

Eur.

914
c

6m.

914 l

Kicev

11623 1/2

Меморандъ въ Москву

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПРЕБЫВАНІИ НЕПРІЯТЕЛЯ ВЪ МОСКВѢ

ВЪ 1812 ГОДУ.

ПЕТРА ГР. КИЧЕЕВА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1859.

ВОСПОМИНАНІЯ
О ПРЕБЫВАНІИ НЕПРІЯТЕЛЯ ВЪ МОСКВѢ
ВЪ 1812 ГОДУ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1855.

BRITISH MUSEUM

BRITISH MUSEUM LIBRARY

1813

с
ВОСПОМИНАНІЯ

О ПРЕБЫВАНІИ НЕПРІЯТЕЛЯ ВЪ МОСКВѢ

ВЪ 1812 ГОДУ.

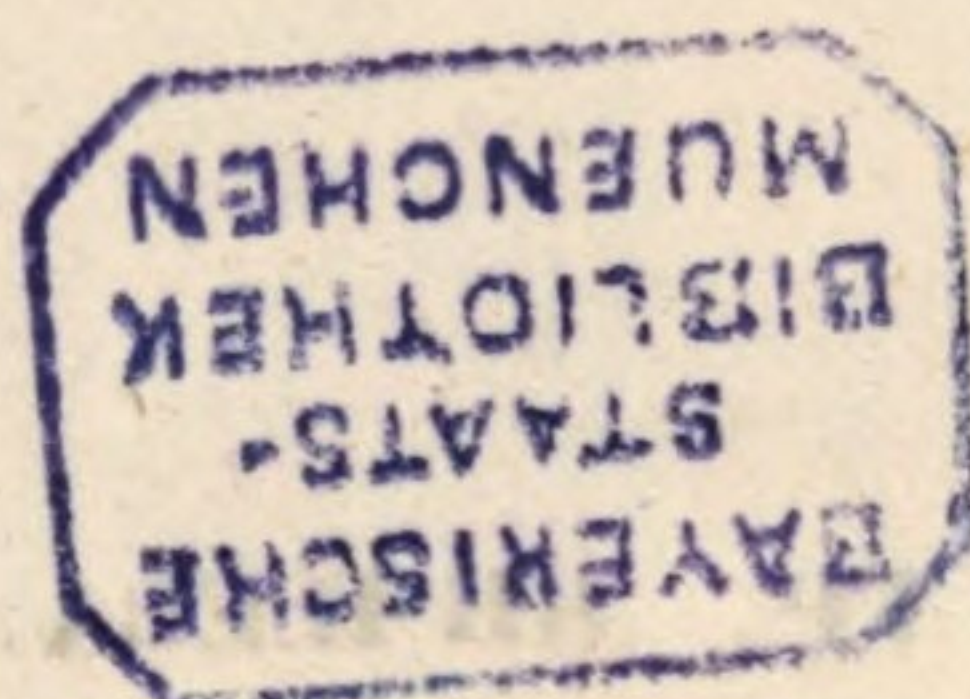
ПЕТРА ГР. КИЧЕЕВА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1858.

Г. н. 5176

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва, Августа 6-го дня, 1858 года.

Ценсоръ Н. Гилляровъ-Платоновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

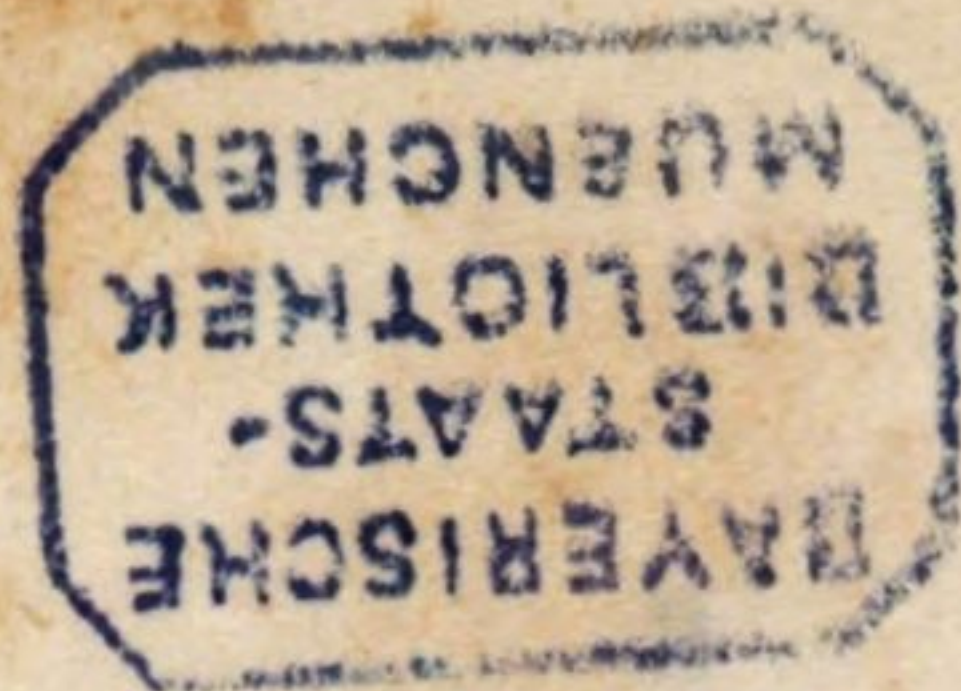
	Стран.
Отъ автора	5.
I. Передъ Французами; вступленіе ихъ въ Москву; попытка наша уѣхать; начало по- жара; первая при Французахъ ночь	7.
II. На другой день вступленія Французовъ въ Москву; учтивый непріятель; продолженіе пожара; грабежъ; наше новоселье	33.
III. Третій день по вступленіи Французовъ въ Москву и разныя происшествія въ послѣ- дующіе дни.	46.
IV. Сраженіе казаковъ съ Французами; безпа- чаліе; взрывъ Кремля; послѣдствія.	70.
V. Примѣчанія	89.

ОТЪ АВТОРА.

Много было писано и печатано о войнѣ 1812, 1813 и 1814 годовъ и, напротивъ, слишкомъ мало о пребываніи непріятеля въ Москвѣ въ 1812 году; а между тѣмъ, очевидцы тогдашнихъ происшествій, одинъ за другимъ, сходятъ въ могилу, не оставляя потомству объ этомъ любопытномъ времени ровно никакихъ свѣдѣній; по этому, я написалъ и выдалъ въ свѣтъ мои воспоминанія съ тою единственно цѣлю, чтобы восполнить, сколько возможно, пробѣлъ въ нашей исторіи, объ упомянутой эпохѣ.

ОТЪ ВТОРА

Второй годъ писано и написано о войне
1812, 1813 и 1814 годовъ и, наконецъ,
списано много о происшествіяхъ въ
Москвѣ въ 1812 году; а между тѣмъ, отъ
иныхъ тогдашнихъ писателей, описана въ
книжкахъ, изданныхъ въ Москвѣ, не оставшаяся
потомъ, отъ этого не только въ военномъ
и вообще въ наукѣ, а въ искусствѣ, по этому
написана и въ тѣхъ же годахъ, по поводу
этого, описано много, описано много, описано
много, описано много, описано много, описано

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРЕБЫВАНІИ НЕПРІЯТЕЛЯ ВЪ МОСКВѢ

въ 1812 году.

I.

Передъ Французами; вступленіе ихъ въ Москву; попытка наша уѣхать: начало пожара; первая при Французахъ ночь.

....Мы жили въ Грузинахъ, близъ Прѣсенскаго верхняго пруда и церкви Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія. Дома матери моей и дѣда (отца ея) находились рядомъ; но мы жили вмѣстѣ съ дѣдомъ въ его домѣ, а домъ матери отдавался въ наймы; оба дома были одной архитектуры, не затѣйливой, но довольно помѣстительные, и раздѣлялись на двѣ неравныя половины, съ тою разницею, что домъ матери былъ съ мезониномъ. Крыльца (у дѣдовскаго дома крыльцо было въ видѣ бесѣдки съ поря-

дочную комнату) выходили на лугъ, принадлежавшій Князю Егору Александровичу Грузинскому. Изъ домовъ нашихъ видъ былъ открытый: видна была большая часть верхняго Прѣсненскаго пруда, другая за нимъ сторона, Камеръ-Коллежскій валъ и вдали роща Ваганьковскаго кладбища. Домъ дѣда былъ уже не новый (1), а мать выстроила свой только въ 1811 году. Я тогда былъ такъ еще молодъ (2), что вовсе почти не обращалъ вниманія на политику и безпечно рѣзвился передъ домами нашими на лугу, на которомъ, вскорѣ послѣ того, во время пребыванія въ Москвѣ Французовъ, разыгрывались такіа ужасныя сцены. Всего больше занимала меня въ то время комета, появившаяся еще за долго до непріятеля; а такъ какъ дома наши стояли на западъ, противъ совершенно открытаго мѣста, то по вечерамъ я всегда любовался ею, какъ необыкновеннымъ и новымъ для меня явленіемъ. Эта комета была замѣчательна по необыкновенно-блестящему хвосту, и ее-то Наполеонъ называлъ счастливою своею звѣздой и путеводительницей въ Россію (3).

Однакожь безпрестанные толки и безпокойства домашнихъ и сосѣдей о тогдашнихъ событіяхъ и обстоятельствахъ, извѣстія, которыя появлялись въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и читались вслухъ дѣду, далѣе афишки Графа Растопчина и каррикатуры на Французовъ, обратили наконецъ и мое вниманіе на все это. Я сталъ внимательнѣе прислушиваться къ чтенію газетъ и разныхъ извѣстій изъ арміи, и, судя по нимъ, радовался и огорчался; но въ душѣ не было никакого страха, или, думаю, по молодости лѣтъ моихъ, или же, можетъ быть, отъ безусловной увѣренности въ прозорливость главы семейства, отъ души нами любимаго дѣда, замѣнившаго намъ отца, который умеръ въ Ярославлѣ, еще въ декабрѣ 1809 года, въ должности Директора училищъ тамошней губерніи. Къ дѣду мы пріѣхали въ январѣ 1810 года и жили съ нимъ вмѣстѣ до самой его кончины. Обращаясь къ 1812 году. Въ концѣ іюля, сосѣды наши, одинъ за другимъ, стали убраться изъ Москвы, звали съ собой дѣда моего, или совѣтовали ѣхать съ семействомъ,

куда онъ разсудить, но дѣдъ не хотѣлъ никуда ѣхать, не смотря на убѣжденіе къ тому матери моей, всего семейства и друзей. Даже уважаемый имъ Максимъ Ивановичъ Невзоровъ, извѣстный издатель «Журнала для юношества», другъ отца моего, не могъ ничего тутъ сдѣлать. Дѣдъ вѣрилъ отъ души афишкамъ Графа Растопчина и не допускалъ мысли, чтобы Москву отдали Французамъ. Но мать предвидѣла это несчастіе ясно послѣ того, какъ всѣ присутственныя мѣста и казенныя заведенія были вывезены изъ столицы. Безпокойство матери умножали еще мы, трое малолѣтнихъ дѣтей ея. Любовь свою къ намъ и къ старику отцу она ни какъ не могла раздѣлить, и хотя оставалась въ Москвѣ, но ужасно страдала. Эти душевныя страданія и предчувствіе неминуемаго горя были, вѣроятно, причиною многихъ ея сновъ, въ которыхъ видѣла она какъ бы предвѣщаніе общественнаго бѣдствія. Такъ, разъ, мать моя видитъ сонъ, что она ходитъ по Московскимъ улицамъ, совершенно безлюднымъ, но куда ни войдетъ въ домъ, вездѣ видитъ много народу, занятого

дѣланіемъ кочерегъ и мѣтелъ. Въ другой разъ, она видитъ, что двѣ большаго размѣра иконы, изъ нашей приходской церкви, одна, представляющая Св. Георгія Побѣдоносца на конѣ и поражающаго копьемъ змія въ зѣвъ, а другая Θεодотьевской Божіей Матери, восхищены на небо, одна противъ другой, по сторонамъ горизонта, къ зениту, и покрыты чернымъ флеромъ; видъ этихъ знакомыхъ ей иконъ возбудилъ въ душѣ ея особенное благоговѣніе, и она молилась предъ ними на колѣняхъ. Наконецъ, третій сонъ представилъ ей единоборство передъ домами нашими, на лугу, между Наполеономъ и Императоромъ Александромъ; единоборство происходило на пнагахъ и, казалось, съ равною силою; но вдругъ Наполеонъ превращается въ какого-то звѣря, и руки его удлинились до огромнаго размѣра. Мать моя ужасно испугалась и проснулась. Всѣ эти сны видѣла она не задолго до Французовъ; но она основывалась, конечно, не на сновидѣніяхъ, а на существенныхъ обстоятельствахъ, убѣждая дѣда ѣхать изъ Москвы; онъ былъ однако непреклоненъ. Обык-

ковенно онъ указывалъ ей на Растопчинскую афишку, готовясь идти на Поклонную гору, чтобы встрѣтить враговъ отечества и сразиться съ ними, ожидая для этого только рѣшительнаго приглашенія (4). Помню, что вскорѣ послѣ того, и дня за три, до вступленія Французовъ въ Москву, одинъ сосѣдъ нашъ, старикъ лѣтъ восьмидесяти, Грузинъ, по прозванію Пиранъ, подходилъ къ дому дѣда и вызывалъ его на Поклонную. Пиранъ былъ одѣтъ по дорожному, имѣлъ котомочку за плечами, при саблѣ, а вмѣсто ружья или пики, держалъ обыкновенный посохъ, безъ котораго онъ и ходить, кажется, уже не могъ. Дѣдъ насилу успокоилъ старика и совѣтовалъ подождать рѣшительнаго слова градоначальника, обѣщавшись самъ зайти за нимъ, когда настанетъ время; послѣ того, старикъ, хотя и побрелъ домой, опираясь на посохъ и кашляя, но ворчалъ сквозь оставшіеся еще зубы: «чего тутъ ждать... трусы... право трусы...» Этотъ упрекъ относился, разумѣется, къ моему дѣду, нисколько не виноватому въ грѣхъ, въ которомъ обвинялъ его *храбрый* Пиранъ.

Извѣстно, что духъ патріотизма достигалъ тогда до высочайшей степени: во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ возрастахъ и полахъ, господствовало воинственное настроеніе. Такъ, помню еще, что, подражая, можетъ быть, дѣду, кухарка наша Анисья, толстая и рябая, но здоровая, также храбрилась и много смѣшила насъ. Когда, бывало, въ шутку ей скажутъ: что ты, Михайловна, станешь дѣлать, если придутъ Французы? то Анисья брала вертелъ и держа его на перевѣсь, какъ бы ружье со штыкомъ, топнувъ ногой, комически говаривала: «что-о? Французы-ы? а это что! (показывая глазами на вертелъ) вотъ такъ (съ этими словами она проворно взмахивала вертеломъ къверху) и поддѣну, да не одного, а десять Французовъ!» Разумѣется, фарсы и прибаутки Анисьи были разнообразны. Комическое впечатлѣніе увеличивалось еще отъ костюма Анисьи: она ходила по старинному, въ кофть съ юбкой и въ фартукъ, а на головѣ носила платокъ, иногда же и колпакъ, которыми награждалъ ее дѣдъ, за искусство въ приготовленіи ему азіатскихъ блюдъ, такъ

какъ онъ былъ уроженецъ Анатоли (5). Подобно тому, и наши дѣтскія игры были подражаніемъ воинскимъ эволюціямъ. Между тѣмъ, дѣдъ хотя и не вѣрилъ, чтобы Французы были въ Москвѣ, но ожидалъ подъ нею большаго сраженія и значительнаго прибытія войскъ; поэтому съ охотой покупалъ у отъѣзжавшихъ сосѣдей хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, которые послѣ намъ и другимъ бѣднымъ людямъ очень пригодились; онъ покупалъ и другія вещи, напримѣръ, мебель и, странно! платилъ такія деньги, за которыя и теперь можно имѣть подобныя вещи. Значитъ, онъ не пользовался обстоятельствами; а то, какое обширное было поле для спекуляцій! Я разумѣю вещи не такъ громоздкія; мебель же, я думаю, и даромъ отдавали бы, если бы только находились на нее охотники. Не задолго уже до Французовъ, наши, на всякій случай, собрали лучшее изъ своего имущества, въ три сундука, и зарыли въ землю; одинъ сундукъ съ иконами въ окладахъ, съ вещами, серебромъ, шубами и сапогами, зарыли въ стѣняхъ, а другіе два,

съ платьемъ, бѣльемъ и т. п., въ погребѣ у дѣда въ домѣ; имущество хоронили ночью, тихонько отъ сосѣдей, которые дѣлали, вѣроятно, тоже; всего нельзя было увести, да и не на чемъ. Такимъ образомъ, время шло, и домашняя жизнь дѣда ни въ чемъ не измѣнялась до перваго сентября, которое пришлось въ Воскресенье (6). Въ этотъ день, послѣ ранняго обѣда, два члена изъ нашего семейства (дядя и старшій братъ мой, отъ перваго брака отца), обязанные службой, пустились по Владимірской дорогѣ, на Нижній и Казань, пѣшкомъ: лошадей негдѣ было уже достать, ни за какія деньги. Наконецъ наступилъ страшный день—2-е сентября! Едва ли когда-нибудь понедѣльникъ былъ такимъ тяжелымъ днемъ для Москвы, какъ этотъ. А мы, удаленные отъ центра города, живя въ своихъ домахъ, прилегающихъ къ Прѣсенскимъ прудамъ, такъ что предъ нами не было проѣзжей дороги, не видѣли всей тогдашней суматохи въ Москвѣ и не ожидали того горя, которое было такъ уже близко къ намъ. Погода въ этотъ день, съ утра до ночи, стояла теплая и яс-

ная, на небѣ ни облачка, только съ утра было вѣтрено и даже пыльно по большимъ улицамъ, но не у насъ, жившихъ какъ бы на дачѣ. Вотъ мы уже и пообедали. Дѣдъ по буднямъ обѣдывалъ рано, часу въ первомъ. Какой-то глухой шумъ сзади нашихъ домовъ, на Грузинской улицѣ, заставилъ насъ, съ братомъ Иваномъ, выйти туда и посмотрѣть, что тамъ такое происходитъ. Тянулся обозъ какого-то уланскаго полка; везли казенное имущество и раненыхъ; нѣкоторые изъ нихъ шли пѣшкомъ; помню одного улана съ разрубленною лѣвою щекой. Мундиры на уланахъ были съ желтыми отворотами; они, казалось, торопились и увѣряли, что Французы скоро будутъ въ Москвѣ. Мы передали объ этомъ своимъ. Часу въ четвертомъ, послѣ обѣда, дядя нашъ, по теткѣ, Александръ Николаевичъ Луцкихинъ (вступившій было въ Московское ополченіе, но оставшійся по какимъ-то обстоятельствамъ съ нами въ Москвѣ), поѣхалъ верхомъ къ Драгомиловскому мосту, поразвѣдать что тамъ дѣлается; а мы съ братомъ, спустя нѣкоторое время, вышли на свой

дворъ и занялись какою-то игрой, въ устройствѣ которой помогаль намъ дядинъ деньщикъ, ратникъ, молодой мальи, по имени Лаврентій. Въ приходской церкви по будничному благо- вѣстили къ вечернѣ. Въ это самое время мы увидали дядю Луцкихина, который воз- вращался домой, но уже пѣшкомъ, скорыми шагами, безъ сабли и эполетъ; видъ его былъ разстроенный, измученный; потъ гра- домъ лилъ съ лица его; увидавъ насъ, онъ издали еще закричалъ: «ну, дѣти! Французы уже въ Москвѣ!» Братъ впередъ меня по- бѣжалъ въ комнаты, вызвалъ къ себѣ мать и по секрету передалъ ей слова дядины. Она не знала, вѣрить ли еще слышанному, какъ тутъ вошелъ въ комнаты и самъ дядя, и объявилъ при всемъ семействѣ, сидѣвшемъ за самоваромъ и пившемъ чай, что Фран- цузы уже въ Москвѣ и отняли у него ло- шадь, саблю, часы и эполеты. Услышавъ эту страшную вѣсть, дѣдъ съ отчаяніемъ закричалъ матери: «ну, Оня! я погубилъ тебя и дѣтей твоихъ: спасайся, если можешь!» Тогда началась страшная суматоха. Всѣ вскочили изъ-за чайнаго стола и кричали:

«ѣхать, ѣхать, запрягайте поскорѣ лошадей!»
 А на чемъ было ѣхать? У дяди Луцхина всего
 была одна телѣга, да пара лошадей. Пока за-
 прягали лошадей и укладывались, я видѣлъ,
 какъ жильцы изъ дома матери моей бѣжали,
 куда глаза глядятъ; сборы ихъ были такъ
 мгновенны, что они не успѣли взять съ собой
 даже необходимыхъ вещей, а растерявшіеся и
 испуганные брали такія, которыя ни на что
 имъ были не надобны. Такъ, я самъ видѣлъ,
 что экономка нашего жильца тащила въ
 лѣвой рукѣ топоръ, и вѣроятно, не для
 обороны отъ непріятелей. Далѣе, помню, что
 благовѣстъ въ приходской нашей церкви
 вдругъ прервался, безъ обычнаго трезвона,
 потому что священникъ, вмѣсто того, чтобы
 идти въ церковь, принужденъ былъ, подобно
 нашимъ жильцамъ, бѣжать изъ Москвы къ
 своему семейству, куда-то еще прежде изъ
 нея выѣхавшему. Нянька моя, старушка
 Аграфена Петровна, недовольная ли мед-
 ленною закладкою лошадей, или не думая,
 чтобы мы взяли ее съ собой, а вѣрнѣе
 всего отъ испуга, рѣшилась было тоже бѣ-
 жать и навязывалась въ спутницы къ наше-

му священнику; но тотъ рѣшительно отказалъ ей, сказавъ: «нѣтъ, свѣтъ, теперь всякому до себя: куда я тебя дѣну, я и самъ не знаю куда бѣгу.» Но вотъ наконецъ запрягли дядину пару лошадей въ большую открытую телѣгу, усадили въ нее насъ малыхъ съ нянькой, туда же сѣли мать, тетка и еще кто могъ помѣститься, и пустились въ путь, по большой Грузинской улицѣ, къ Троицкой заставѣ, намѣреваясь пробраться на Владимірскую дорогу. За кучера былъ ратникъ Лаврентій. Дядя Лушихинъ и прислуга шли около насъ пѣшкомъ. Но дѣдъ, не смотря ни на какія убѣжденія и на слезы матери, остался дома съ бабкой и съ храброю дѣвкой Анисьей. Дорого стоило матери моей разставаться съ отцомъ... Живо помню эту раздирающую сцену. Мать всячески убѣждала дѣда ѣхать: обнимала его, цѣловала его руки, стояла предъ нимъ на колѣнахъ; къ мольбамъ матери и всего семейства, мы съ братомъ присоединяли свои и упрашивали его по дѣтски: «дѣдушка поѣдьте, миленькій, поѣдьте!» По примѣру матери, мы цѣловали

его руки и обнимали колѣна. Физіономія дѣда (7), всегда спокойная и свѣтлая, въ эти минуты выражала глубокую скорбь; онъ плакалъ, но не соглашался оставить свой домъ и Москву. До сихъ поръ не могу себѣ объяснить причины такого упорства въ дѣдѣ; думаю только, по нѣкоторымъ соображеніямъ и по его рѣшительному характеру, что у него было какое нибудь патріотическое, тайное отъ насъ намѣреніе. Правда, онъ ждалъ къ себѣ, чтобъ вмѣстѣ ѣхать (или такъ по крайней мѣрѣ говорилъ), одного давнишняго своего знакомаго, богатаго старика помѣщика, изъ Верейскаго уѣзда; но если тотъ не пріѣхалъ и до 2 сентября, то чего же было ждать (8)? Наконецъ, видя непреклонность дѣда, мать хотѣла остаться въ Москвѣ и рѣшалась отпустить насъ съ дядей и теткой; тогда дѣдѣ, въ свою очередь, убѣждалъ мать ѣхать безъ него; оба плакали на взрыдъ, все семейство имъ вторило. Но эта сцена продолжалась не болѣе четверти часа: медлить было нельзя: враги находились не за горами; мать насильно вырвали изъ объятій дѣда, выве-

ли подъ руки и усадили въ телѣгу.... Поѣхали мы, разумѣется, шагомъ; дѣдъ стоялъ у воротъ въ своемъ домашнемъ костюмѣ, черкесскомъ чекменѣ изъ темносѣренькаго сукна; его кудрявую, но не совсѣмъ еще сѣдую голову, покрывалъ бѣлый колпакъ; старецъ крестилъ насъ въ слѣдъ, пока мы не скрылись у него совсѣмъ изъ виду. Мы проѣхали уже и церковь Св. Георгія и памятникъ противъ нея, когда-то существовавшая на этомъ мѣстѣ храма, во Имя Св. Апостолъ Петра и Павла, Апшеронскаго пѣхотнаго полка, стоявшаго здѣсь лагеремъ. Ратникъ Лаврентій успокоивалъ насъ, говоря: «Только бы намъ выбратъся на Владимірку, а тамъ Богъ милостивъ». Добрые дядины рыжіе кони, отдохнувшіе съ недѣлю на вольномъ корму, шли бодро, наостря уши, рвались на возжахъ и торопились, какъ бы чувствуя опасность; но пѣшій отрядъ нашихъ спутниковъ заставлялъ поневолѣ ихъ сдерживать. А какъ мы ѣхали въ противоположную отъ заставъ Драгомиловской и Прѣсенской сторону, то нисколько не сомнѣвались въ осуществленіи надеждъ нашего воз-

ничаго, хотя и не знаю почему, для спасенія, выбирали дорогу Владимірскую, а не Ярославскую, тоже безопасную, семейству нашему знакомую и обѣщавшую вѣрный пріютъ у друзей въ Ярославль, гдѣ отецъ мой оставилъ хорошую по себѣ память и самый прахъ свой. Но едва мы поровнялись съ Армянскою церковью, какъ насъ остановили двое пѣшихъ непріятелей (9). Мы увидали ихъ еще издали, но ни сколько не подозрѣвали, что это ожидаемые враги: они шли, одинъ за другимъ, тихо, какъ бы прогуливаясь по бульвару отъ нечего дѣлать; шедшій впереди былъ молодой человекъ съ прекраснѣйшею наружностію; оружія у него, кромѣ сабли, я не замѣтилъ; онъ походилъ на кавалерійскаго офицера; мы тогда только поняли, что это за господа, когда одинъ изъ нихъ, шедшій сзади, взялъ подъ уздцы лошадей, а другой, съ хорошеюто наружностію, сталъ шарить около насъ въ телѣгѣ; на первый случай ему попалось заряженное ружье; онъ вынулъ его и тутъ же ударилъ прикладомъ о землю; прикладъ отломился; потомъ, началъ обыскивать жен-

щинъ по башмакамъ, и когда хотѣлъ сдѣлать тоже у Луцихинской женщины, Матрены, то она побѣжала отъ него по направленію къ церкви Св. Георгія; кавалеристъ непріятель обнажилъ саблю и погнался за ней; по совѣту тетки, Луцихиной, переданному, разумѣется, крикомъ во весь духъ, Матрена остановилась и дала себя обыскать; но у нея ничего ни нашлось; на этотъ разъ дѣло тѣмъ и кончилось. Оба молодца отъ насъ отстали, не поживившись ни чѣмъ—доказательство, что мы ѣхали на-легкѣ. Мы пустились далѣе. Проѣхали еще нѣсколько дворовъ; тутъ, справа, вскорѣ за домомъ Князя Михайла Дмитріевича Циціанова (нынѣ, кажется, Г. Врасскаго), кто-то изъ сосѣдей, почтенныхъ лѣтъ человекъ, сидитъ у поднятаго окошка, кланяется нашимъ и спрашиваетъ, куда они ѣдутъ; ему отвѣчаютъ, что ѣдутъ отъ Французовъ. «Какіе это Французы! это Англичане пришли къ намъ на помощь,» кричалъ сосѣдь. Въ это же время, я вижу, что кто-то изъ непріятелей хочетъ войти на дворъ къ этому самому сосѣду, но женщина его, въ-

роятно кухарка, подавая непріятелю большой ломоть чернаго хлѣба, не пускала его на дворъ, стараясь затворить калитку. Наши, хотя не раздѣляли мнѣнія сосѣда и не выводили его изъ счастливаго заблужденія, изъ котораго онъ, я думаю, очень скоро вышелъ, но видя, что опоздали уже увхаться отъ Французовъ, которыхъ партіи еще показались вдали, а главное — беспокоясь о старикѣ отцѣ своемъ, мать моя настояла воротиться. Немного мы напутешествовали, а успѣли довольно уже набраться страху. Въ самомъ дѣлѣ, чего не могло случиться, или чего мы не могли подумать? Ну, что если бы Французскій кавалеристъ ударилъ прикладомъ не землю, а кого нибудь изъ насъ? Обнажалъ же онъ саблю на старуху Матрену. Впрочемъ, теперь, когда всѣ эти страхи дѣло прошлое, и къ слову, надо правду сказать, что Французы и тогда были очень благородны. Этотъ молодецъ, по рѣзвости, свойственной молодости, видно, пугалъ только насъ, а Французы болѣе почтенныхъ лѣтъ и того не дѣлали, сносая равнодушно не совсѣмъ приличныя съ ними

наши дѣтскія игры и шутки. Но объ этомъ послѣ. По возвращеніи нашемъ домой, вскорѣ смерклося, и Москва вспыхнула съ восточной отъ насъ стороны. Извѣстно, что пожаръ начался въ Каретномъ ряду. Наши не знали куда дѣваться: въ своихъ домахъ оставаться казалось имъ почему-то страшно; рѣшили, чтобы на ночь всѣмъ отправиться въ садъ къ сосѣду, Петру Александровичу Расловлеву. Домъ Расловлева былъ сзади нашихъ, черезъ Грузинскую улицу, на горѣ (10). Пришли въ садъ Расловлева. Ночь была тихая и теплая; страшное зарево пожара освѣщало ее лучше полной луны. Меня на чемъ-то уложили подъ стариннымъ развѣсистымъ вязомъ, между барбарисовыми кустами, которыхъ очень много было въ саду; мнѣ не спалось, у меня начиналась лихорадка: я смотрѣлъ на небо и видѣлъ разныя фантастическія фигуры, которыя образовывались изъ пожарнаго дыма, носившагося надъ нами. Между тѣмъ, лихорадка во мнѣ усиливалась и на дворѣ стало свѣжѣть, мать страдала за меня и думала, какъ бы помѣстить меня гдѣ-нибудь въ комнату. Стар-

шіе рѣшили отправиться всѣмъ въ одинъ изъ флигелей Расловлева, въ квартиру послѣ уѣхавшаго изъ Москвы и намъ знакомаго управляющаго. Эта квартира была во второмъ этажѣ. Меня помѣстили на широкій кожаный диванъ; я согрѣлся и началъ было засыпать, какъ вдругъ въ сосѣднихъ комнатахъ, гдѣ жилъ Расловлевъ прикащикъ, старикъ Лазарь съ семействомъ, закричали: «Французы! Французы!» Это было уже часу въ 12-мъ. Въ самомъ дѣлѣ, увидали на дворѣ непріятелей и вскорѣ услышали стукъ по лѣстницѣ отъ шаговъ и звонъ шпоръ и сабель. Вошедши во второй этажъ, они громко застучались въ двери къ прикащику; но тамъ прежде еще погасили свѣчи и не отпирали дверей. Тогда непріятели, увидавъ на нашей половинѣ огонь, стали стучаться къ намъ. Ни кто не рѣшался отворить имъ дверей. Дѣда и дяди съ нами не было: они въ это время находились въ саду, или на дворѣ, а у насъ въ комнатахъ оставались однѣ женщины, да мы дѣти. Всѣ женщины, и старыя и молодыя, попрятались кто куда могъ. Между тѣмъ

стукъ все усиливался; слышались сначала крики, хотя и на иностранномъ языкѣ, но изъ которыхъ легко было понять, что они выражали не привѣтствіе; потомъ, отъ нетерпѣнія и досады, посыпались въ дверь удары сабель и ружейныхъ прикладовъ. Наши страшно испугались; но видѣли необходимость впустить непріятелей, опасаясь, въ противномъ случаѣ, чтобы они не сожгли насъ въ этой ненадежной крѣпости: начавшійся въ Москвѣ пожаръ, сей часъ, разумѣется, приписали имъ; но все еще никто не рѣшался отворить дверей; даже кухарка Анисья, столь храбрая до прибытія Французовъ, отказалась отъ этого подвига, не смотря на убѣдительную просьбу матери, и на представленіе, что ей, какъ старухѣ, меньше другихъ слѣдуетъ бояться; схоронясь подъ кровать, она говорила оттуда лихорадочнымъ голосомъ: «нѣтъ, матушка, Анисья Яковлевна, воля ваша, хоть убейте, не могу...» Новые удары, казалось, должны были сорвать двери съ крючка, и мать моя, чтобы не раздражить непріятелей дальнѣйшимъ упорствомъ, рѣшилась сама впустить ихъ, положась во всемъ на

волю Божію. Взявъ свѣчу и перекрестившись, она, отворяя дверь, привѣтствовала незваныхъ гостей словами: «милости просимъ.» Вошли три человѣка, большаго роста, вооруженные съ ногъ до головы. Первая рѣчь ихъ была: «мадамъ, хлиба, хлиба!» Потомъ они прошли въ ту комнату, гдѣ я лежалъ, и сѣли около стола у противоположной отъ меня стѣны, предполагая, вѣроятно, что послѣ сказанныхъ словъ имъ подадутъ ужинъ, а лютый аппетитъ ихъ рисовалъ имъ, безъ сомнѣнія, порядочныя гастрономическія наслажденія, по вкусу каждаго; но они страшно ошиблись въ своихъ невинныхъ и естественныхъ мечтахъ, поужинавъ у насъ очень легко, хотя и оригинально, какъ объ этомъ сей-часъ будетъ сказано. Вслѣдъ за ними вошли дѣдъ, дядя и еще одинъ молодой человѣкъ, изъ Венгерцевъ, О. А. Пелецкій, жившій въ домѣ Расловлева и вывезенный когда-то родственникомъ Расловлева изъ Австрійской Польши. Трое непріятелей оказались Нѣмцами. Пелецкій зналъ по-нѣмецки и переводилъ слова моей матери, что мы будто

не здѣшніе, что сами только что пришли изъ Смоленска, ничего не имѣемъ, ограблены казаками и т. п. (на казаковъ лгали, желая поддѣлаться къ страшнымъ гостямъ). Однако подали имъ два бѣлые хлѣба и графинчикъ сладкой водки. Хлѣбъ они тотчасъ начали ѣсть, но водку не пили до тѣхъ поръ, пока мать, по приглашенію ихъ, не выпила сама полрюмки (они видно слышали отъ Французовъ объ испанскихъ угощеніяхъ!). Поговоря что-то съ Пелецкимъ, они зажгли мѣстныя церковныя свѣчи, принесенныя ими въ числѣ награбленнаго церковнаго серебра, завязаннаго въ турецкую шаль, и пошли отыскивать по чуланамъ и чердакамъ еще чего-нибудь изъ съѣстнаго, но нашли одинъ медъ, который и ѣли съ бѣлымъ хлѣбомъ; а между тѣмъ, своими поисками за съѣстнымъ, съ тремя большими зажженными восковыми свѣчами, эти господа Нѣмцы навели на нашихъ страхъ: испуганному воображенію ихъ сей-часъ представилось, что они хотятъ зажечь наше убѣжище; но опасенія были напрасны. Незванные гости, утоливъ нѣсколько голодъ,

вздумали только поживиться изъ вещей въ нашей квартирѣ и просили отпереть комоды; къ несчастію, комоды были заперты. Несмотря на увѣреніе, что комоды, вѣроятно, пустые, потому что хозяева уѣхали изъ Москвы, они сломали саблей замѣкъ у одного ящика, но тамъ дѣйствительно ничего не было, во второмъ и третьемъ ящикахъ тоже ничего не оказалось. Тутъ имъ пришла мысль: нѣтъ ли чего въ ящикахъ дивана, на которомъ меня уложили и я уже спалъ. Но ящики и тутъ были заперты. Изломать ихъ нельзя было безъ того, чтобы меня не разбудить, или даже не испугать. Мать стала просить, чтобы они не ломали ящичковъ, и не испугали бы тѣмъ больного ребенка. Къ удивленію, они согласились на ея просьбу и оставили меня въ покоѣ, а сами принялись допивать водочку, закусывая ее хлѣбомъ съ медомъ. Не знаю, что въ это время, въ боковой комнатѣ, дѣлали дѣдъ съ дядей: аккомпанировали, что ли, непріятелямъ, съ горя, или для храбрости (впрочемъ дѣдъ и дядя — люди были трезвые и добрые, а дѣдъ и безъ такихъ средствъ

былъ слишкомъ храбръ, какъ изъ послѣдующихъ разсказовъ будетъ видно), только у нихъ вдругъ родилась дикая мысль: объявить незваннымъ гостямъ войну; но, разумѣется, не открытую, а партизанскую. Сдѣлали и планъ нападенія. Нашихъ мужчинъ, большихъ, было пятеро. Нападеніе условились сдѣлать, какъ тѣ выйдутъ отъ насъ въ сѣни и какъ за ними запрутъ дверь. Одинъ изъ нашихъ хотѣлъ дѣйствовать ружьемъ, другой пикой, третій саблей, остальные топорами. Но къ счастью, храбрецы наши объявили о заговорѣ своемъ матери заблаговременно, съ тою цѣлю, чтобы она поспѣшила по выходѣ непріятелей запереть за ними дверь. Мать ужасно испугалась этой странной мысли, представила, какія могутъ выйти изъ этого послѣдствія; что на эту сцену можетъ наткнуться другая непріятельская партія, или, и безъ того, отъ сосѣдей, можетъ открыться тайна, и что тогда мы всѣ погибнемъ; говорила и то, что пришедшіе къ намъ не Французы, а должно быть Нѣмцы. Но дѣдъ возражалъ, что враговъ отечества, кто бы они ни

были, всегда и вездѣ должно истреблять всевозможными средствами и способами, не думая о своей безопасности. Дядя поддерживалъ дѣда. Мать приходила въ отчаяніе. Наконецъ, зная добродушіе своего отца, она представила ему, что эти, собственно, непріатели не сдѣлали намъ никакого зла, или оскорбленія, а напротивъ были даже слишкомъ снисходительны, и что вообще подобное намѣреніе отчаянно для насъ и бесполезно для отечества. Тогда послѣдніе резоны скорѣе подѣйствовали на дѣда и рѣшили его отпустить враговъ съ миромъ; они оставили насъ далеко за полночь, нисколько не подозрѣвая, какое готовилось имъ угощеніе, и что они обязаны спасеніемъ жизни ихъ единственно благоразумію одной слабой женщины. До утра постыщеній больше не было. Москва горѣла во всю ночь, безъ помѣхи, но еще не близко отъ насъ. Мы успокоились до слѣдующаго дня, хотя также яснаго и теплаго, но принесшаго намъ и другимъ, оставшимся въ Москвѣ жителямъ, новые ужасы и страданія.

II.

На другой день вступленія Французовъ въ Москву; учтивый непріятель; продолженіе пожара; грабежъ; наше новоселье.

На другой день мы встали рано и отправились въ домъ дѣда. Старику захотѣлось позавтракать; подали настойку, часть вареной говядины и бѣлый хлѣбъ. Но дѣдъ не успѣлъ еще, что называется, и куска проглотить, какъ вошелъ Французскій гусарскій офицеръ, въ красномъ доломанѣ, учтиво раскланиваясь. Это былъ молодой человекъ, преблагогородной и красивой наружности. Дядя, Луцкихинъ, привѣтствовалъ его на французскомъ языкѣ и предложилъ водки. Гусаръ видимо обрадовался родной рѣчи, выпилъ рюмку, отрѣзалъ кусокъ говядины и закусилъ; за тѣмъ пригласилъ дядю Луцкихина въ другую комнату и показавъ изъ-подъ мундира свою рубашку, черную какъ трутъ,

просилъ одолжить ему на перемѣну другую, чистую. Разумѣется, ему выбрали и дали самую лучшую рубашку, какую только могли найти въ домѣ; гусарь, поблагодаривъ, ушелъ, извиняясь, что одна крайность заставила его насъ обезпокоить. Но въ этотъ день, болѣе такихъ учтивыхъ непріятелей не приходило. Вскорѣ начались сцены другаго рода. Послѣ гусара, помню, пришли къ намъ на дворъ трое непріятелей, въ длинныхъ синихъ сюртукахъ и въ фуражкахъ такого же цвѣта, походившихъ на спальныя колпаки; они были, какъ и всѣ почти мародѣры, безъ оружія, съ одними палками, которыми и начали тотчасъ бросать и подбивать ноги у нашихъ куръ, гулявшихъ преспокойно по двору. Подбивъ штуки три или четыре, и въ томъ числѣ пѣтуха, они унесли ихъ, и въ домъ не входили. За ними пришла другая партія и увела дядиныхъ лошадей съ телѣгой, на которыхъ мы, наканунѣ, мечтали уѣхать изъ Москвы, Богъ знаетъ куда. Мнѣ стало жалко и куръ и лошадей, въ особенности пѣтуха-бойца, до которыхъ дѣдъ былъ охотникъ. Какъ теперь

слышу крикъ негодованія этаго пѣтуха, красно-золотистаго цвѣта, на наглое обращеніе съ нимъ мародѣровъ. Горю моему сочувствовала храбрая Анисья, и предвидя, что остальнымъ разлетѣвшимся курамъ, рано или поздно, не миновать той же участи, она поспѣшила созвать ихъ въ курятникъ и, перевязавъ ноги, отнесла на чердакъ дѣдова дома, приговаривая, что мы-де и сами умѣемъ ѣсть куриный супъ, не хуже голоперыхъ Французовъ. Между тѣмъ, пожаръ страшно распространился; сначала онъ шелъ отъ востока къ югу, потомъ повернулъ на западъ; горѣли: Никитская, Поварская, Арбатъ, Кудрино и Новинское; вѣтеръ дулъ прямо на насъ; пламя приближалось быстро; искры и головни летали надъ нашими домами; горѣлъ уже домъ Михайла Львовича Толстаго (11); отсюда до насъ оставалось всего только три двора, хотя по разстоянію это было и не такъ еще близко: между нами, кромѣ двухъ слѣдующихъ домовъ, Толстаго же (брата того) и Беклемишева (гдѣ нынѣ водочный заводъ Руже), находился поперекъ Прѣсен-

скій прудъ (третій, не регулярный), а за нимъ огромная Расловлевская усадьба и ширина Грузинской улицы; однако, всѣ полагали, что не устоятъ и Грузинамъ. По этому, наши, на всякій случай, разсудили выбратъся заблаговременно изъ своихъ домовъ и помѣстились передъ ними на лугу къ Прѣсенскимъ прудамъ, около сиреневыхъ кустовъ, росшихъ по гребню пригорка, спускающагося къ прудамъ правильными пандусами; близъ кустовъ было нѣсколько грядокъ, обросшихъ дерномъ (12); на нихъ-то мы и усьлись. Погода была опять превосходная, солнце пекло во весь день; самый пожаръ усиливалъ также теплоту. Вокругъ насъ помѣстились сосѣди и другіе Московскіе обыватели, выгнанные изъ жилищъ своихъ пожаромъ или страхомъ отъ него. Въ это самое время явилась сюда одна наша знакомая, купеческая вдова, Катерина Алексѣевна Бѣлобородова; она жила на Знаменкѣ, близъ церкви, и по входѣ Французовъ, бросилась-было на Никольскую, къ однимъ своимъ знакомымъ, въ домъ Синодальной Типографіи, думая

уѣхать съ ними изъ Москвы, но не за-
стала уже ихъ; боясь возвратиться домой,
она принуждена была ночевать на город-
ской стѣнѣ, у нынѣшнихъ Владимірскихъ
воротъ. Всѣ мы обрадовались Бѣлоборо-
довой, какъ женщину живаго, веселаго
характера; не смотря на потерю отъ
Французовъ всего своего имущества, она,
повидимому, нисколько не унывала и
шутила безпрестанно. Грабежъ здѣсь на
полѣ, у сиреневыхъ кустовъ, былъ въ
полномъ развитіи; всѣхъ обыскивали, об-
шаривали и что только нравилось, отни-
мали. Такъ, помню, мародёръ, увидавъ у
Бѣлобородовой на рукѣ золотое кольцо,
просить его себѣ; Бѣлобородовой, разу-
мѣется, стало жалко кольца (можетъ быть
обручальнаго); она показываетъ пантоми-
мами, что при всемъ стараніи ни какъ буд-
то не можетъ снять его; догадливый маро-
дёръ, видя въ чемъ дѣло, не затрудняется:
обнажаетъ саблю и хочетъ отрубить палецъ
съ кольцомъ. Послѣ такого рѣшительнаго
маневра, откуда взялась сила у Бѣлоборо-
довой; она мгновенно сняла кольцо, повѣ-

сила его на кончикъ мизинца и подавая мародёру, говорила: «извольте, сударь». Другой мародёръ стащилъ у няньки моей, съ шеи, серебряный крестъ; и какъ шнурокъ былъ коротокъ, то чуть было не удавилъ старуху. Наконецъ, третій мародёръ сорвалъ съ головы меньшаго моего брата, Павла, сидѣвшаго на колѣняхъ у своей няньки, колпачекъ, ни на что, конечно, мародёру не нужный: брату былъ всего третій годъ отъ роду; но съ колпакомъ мародёръ схватилъ, вѣроятно, и волосы; братъ заплакалъ; это очень тронуло дѣда, и онъ безъ церемоніи сталъ ругать мародёра. Мародеръ, однако, не обратилъ вниманія на слова дѣда, или не понялъ ихъ; но брань его подслушалъ стоявшій тутъ же непріятель, лѣтъ, по видимому, сорока, съ большими висячими русыми усами, одѣтый въ военную форму и вооруженный; онъ не принималъ участія въ грабежѣ, а какъ бы наблюдалъ за другими, чтобы въ самомъ дѣлѣ кого не убили. Къ удивленію, этотъ непріятель довольно чисто заговорилъ по-русски и спросилъ дѣда о причинѣ его гнѣва, и кто

этотъ мальчикъ ему, сынъ или внукъ? Дѣдъ объяснилъ причину, и кто мальчикъ. Тогда непріятель сказалъ: «да ты, панъ, правду говоришь, что этому бездѣльнику ни на-
 «что не нуженъ колпакъ твоего внука; но
 «почему знать: онъ, можетъ быть, этимъ
 «мститъ, и сдѣлалъ бы больше, еслибы ему
 «позволили. Повѣришь ли, что у меня двухъ
 «племянниковъ, такихъ же невинныхъ мла-
 «денцевъ, непріятели, взявъ за ноги, разбили
 «имъ объ уголъ головы! Такъ о чемъ же
 «ты, панъ, безпокоишься: у внука твоего кол-
 «пакъ опять будетъ, а вотъ у племянни-
 «ковъ моихъ головъ уже не будетъ». Эта
 рѣчь такъ поразила дѣда, что онъ сдѣлался
 совершенно равнодушенъ къ грабителямъ.
 Помню, что послѣ того мы пошли съ нимъ
 на его дворъ; тутъ подошелъ къ намъ ма-
 родѣръ, довольно высокаго роста, молодыхъ
 лѣтъ, но блѣдный и худой, въ старой фри-
 зовой чуйкѣ, подпоясанный веревкой и со-
 вершенно босой, на головѣ у него была
 истасканная съ краснымъ околышемъ фу-
 ражка безъ козырька, а чрезъ плечо ви-
 сѣлъ съ чѣмъ-то холстинный мѣшокъ. Уви-

давъ на ногахъ у дѣда хорошіе, новыя сапоги, мародеръ изъявилъ желаніе имѣть ихъ; дѣдъ тотчасъ сѣлъ на лежавшія тутъ же бревна и показываетъ мародѣру, чтобы онъ побезпокоился, разулъ его; мародѣръ отлично исполнилъ должность камердинера, но замѣтивъ, что старикъ плачетъ, сталъ отдавать сапоги назадъ, говоря: «тебѣ, панъ, жалко сапоговъ?» Дѣдъ, удивленный чувствительностію мародѣра, указалъ на его босыя ноги и отказался отъ сапоговъ, за- вѣривъ, что плачетъ не о сапогахъ, а о томъ, (какъ и дѣйствительно было), что не успѣлъ вывезти своего семейства изъ Москвы; самъ же нашелъ себѣ какія-то старыя туфли, на которыя претендентовъ уже не было (13). Пока дѣдъ отыскивалъ себѣ въ домѣ обувь, я забѣжалъ въ баню, находившуюся у него на дворѣ; тамъ сидѣли нѣкоторые изъ нашихъ людей; вслѣдъ за мной вошли два непріятеля и сей часъ же отворивъ заслонку у каменки, взяли оттуда спрятанный цѣлый ржаной хлѣбъ. Полагаю, или хлѣбный запахъ (котораго впрочемъ мы не чувствовали) привлекъ вниманіе непріятелей къ

этому мѣсту, или уже продолжительная
 діѣта изострила ихъ обоняніе. Дѣдъ зашелъ
 за мной и мы опять пошли къ сиреневымъ
 кустамъ. Дорогой старикъ вспоминалъ про
 себя Алексѣя Васильевича (Верейскаго по-
 мѣщика) и Максима Ивановича Невзорова;
 о первомъ, что не пріѣхалъ за нимъ, а
 о второмъ, что не послушался его совѣ-
 та (14). Старухъ, нянѣкъ моей, казалось,
 что грабежъ у сиреневыхъ кустовъ усили-
 вается, на нее нашла тоска, ей захотѣлось
 перемѣнить мѣсто; она взяла меня за руку
 и опираясь другою на свой костыль, побре-
 ла къ церкви Св. Георгія (15). Шедши туда
 полемъ, старуха приговаривала: «денной
 грабежъ, денной грабежъ!» У церкви сидѣ-
 ло много несчастныхъ Московскихъ жи-
 телей; но грабежъ и тутъ произво-
 дился также дѣятельно. При самомъ на-
 шемъ приходѣ я видѣлъ, какъ одинъ маро-
 дѣръ попросилъ нашу храбрую Анисью,
 сидѣвшую на землѣ, рядомъ съ бабкой,
 привстать и вынулъ изъ-подъ нея боль-
 шой ржаной хлѣбъ, который она спрятала
 было подъ себя и про себя. Старухи наши

ужасно тосковали и не знали куда дѣваться; пустились вмѣстѣ обратно къ сиреневымъ кустамъ. Помню, въ это время, мать и всѣ окружающіе ее пламенно молились, дѣлая разныя обѣщанія, чтобы Господь отвратилъ угрожающую опасность отъ пожара. И вотъ часу въ 1-мъ пополудни, вѣтеръ вдругъ перемѣнился и подулъ съ запада; опасность для Грузинъ миновалась. Время приближалось къ обѣду. Наши женщины успѣли какъ-то достать карасей изъ Прѣсенскихъ прудовъ и сварили уху, которую мы и расхлебывали въ домѣ Смотрителя тѣхъ прудовъ. Смотрителемъ тогда былъ Петръ Антоновичъ Мурзинскій, сосѣдъ и хорошій нашъ знакомый; онъ уѣхалъ заблаговременно изъ Москвы и такъ аккуратно распорядился на счетъ сохраненія своего имущества, что даже мебели въ его квартирѣ никакой не осталось; по этому мы, въ числѣ семи человѣкъ, сидѣли на полу и хлебали уху всѣ семеро одною деревянною ложкою, поочередно. Послѣ обѣда я вышелъ на крыльцо, — оно было открытое и довольно высоко отъ земли;

отсюда видѣлись частію Прѣсенскіе пруды, церковь Девяти Мучениковъ подъ Новинскимъ, и далѣе. Я сѣлъ на скамейку и смотрѣлъ на пожаръ въ лѣсномъ ряду, близъ Драгомиловскаго моста. Пламя образовало изъ себя огромную и остроконечную гору; жаръ отъ нея былъ такъ силенъ, что у меня начали горѣть щеки, какъ бы я находился вблизи противъ топившейся печки, не смотря на то, что пожаръ отстоялъ отъ меня, въ прямомъ направленіи, по крайней мѣрѣ, на версту. Во время нашего обѣда, непріатели въ этомъ домѣ не показывались; но когда я вышелъ на крыльцо, то увидалъ спящаго среди двора на голой землѣ Арапа, въ красной курткѣ и полосатыхъ шароварахъ; отъ пожарнаго пламени онъ защищенъ былъ строеніями, только солнце пекло курчавую его голову; но сынъ Нубіи, казалось, этимъ наслаждался, спалъ мертвымъ сномъ, оборотясь лицомъ прямо къ солнцу и употребивъ правую свою руку вмѣсто изголовья. Послѣ я узналъ, что это былъ камердинеръ одного Французскаго полковника, переѣхавшаго вскорѣ въ смотритель-

скій домъ. Этотъ же Арапъ, въ послѣдствіи, сдѣлался невиннымъ орудіемъ расхищенія значительной части нашего имущества, зарытаго въ землѣ, о чемъ ниже подробно будетъ сказано. Возвратясь къ сиреневымъ кустамъ, я почувствовалъ опять ознобъ; меня проводили въ домъ дѣда; я пробрался въ нашу дѣтскую комнату, легъ на диванъ и уснулъ. Не знаю, долго ли я спалъ, но проснулся еще за-свѣтло, лихорадка прошла; вокругъ меня никого изъ нашихъ не было, а у противоположной стѣны, близъ комода, стояли трое непріятелей, большаго роста, въ темносѣрыхъ съ длинными воротниками шинеляхъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлись сабли, и мнѣ казалось, что острые концы ихъ выглядывали изъ ноженъ. Непріятели обращены были ко мнѣ спинами и выбрасывали изъ комода на полъ платье и бѣлье, выбирая кой-что себѣ. Когда одинъ изъ нихъ повернулся и смотрѣлъ прямо на меня, я хотѣлъ-было сказать ему, что тутъ они едва ли что полезное найдутъ для себя, но вспомнивъ, что непріятели языка нашего не понимаютъ, промолчалъ; они, какъ и

наканунѣ ихъ товарищи, ни сколько меня не обезпокоили и вскорѣ ушли, а я опять заснулъ. Между тѣмъ смерклось; грабежъ поутихъ; наши рѣшились перебраться въ домъ матери, въ мезонинъ, и тутъ только хватились меня; послали за мной старшаго брата, Ивана, и няньку, которые и проводили меня къ семейству. Новоселье³ мы отпраздновали, благодаря прозорливости доброй Анисьи, порядочнымъ ужиномъ: у насъ были и супъ и жаркое *изъ куръ*! Жаркое она приготавливала на томъ же самомъ вертелѣ, которымъ незадолго собиралась поддѣвать Французовъ, и не менѣе, какъ по десятку вдругъ. Эту ночь мы отдохнули, незваные гости не приходили; видно и непріатели умаялись и покорились непретѣннымъ законамъ Морфея. Вокругъ царствовала обычная въ Грузинахъ сельская тишина; пожаръ вдали хотя и продолжался, но западный вѣтеръ обезпечивалъ насъ и съ этой стороны.

III.

Третій день по вступленіи Французовъ въ Москву и
разныя происшествія въ послѣдующіе дни.

Мезонинъ въ домъ моей матери былъ
очень небольшой, заключаая въ себѣ всего
три комнатки. И здѣсь-то принуждено было
помѣститься наше семейство, состоявшее съ
знакомыми и прислугой изъ 20 человекъ (16).
Но мы довольно удобно размѣстились: пе-
редъ мезониномъ находились порядочныя
стѣны, а съ боковыхъ сторонъ два простор-
ные чердака, притомъ погода, во все время
пребыванія Французовъ въ Москвѣ, стояла
необыкновенно теплая, и эти помѣщенія
служили намъ за тѣ же комнаты. Первою
нашею, по переселеніи въ мезонинъ, забо-
тою было—обезпечить свое существованіе.
Изъ купленнаго дѣдомъ хлѣба, до 400 пудовъ,
мы успѣли перетащить и спрятать на чер-
даки, ржаного и пеклеваннаго хлѣба до
60 пудовъ. Остальной хлѣбъ въ скоромъ

времени былъ растащенъ своими и не-
 пріятелями. Второю заботою было спрятать
 наличный капиталъ. Поставивъ въ зальцѣ
 мезонина образъ св. Апостола Петра, до-
 вольно большаго размѣра, писанный на
 полотнѣ, на прибитый сзади его въ стѣ-
 ну гвоздь повѣсили въ кошелькѣ весь на-
 личный капиталъ, который и сохранили та-
 кимъ образомъ въ цѣлости. Наконецъ, въ
 огражденіе отъ мародѣровъ, старались, чтобы
 скорѣе поставили въ наши дома постой. Объ
 этомъ хлопоталъ дядя Луцкихинъ, знавшій
 очень хорошо Французскій и Польскій языки.
 Въ слѣдствіе чего, не далѣе какъ на другой же
 день, поставили къ намъ нѣсколько офице-
 ровъ Италіанской гвардіи; но они пробыли
 не болѣе 4-хъ дней. Вмѣсто ихъ поставлены
 были рядовые конно-гвардейцы, въ синихъ
 мундирахъ и медвѣжьихъ шапкахъ; лошади
 вороные, у трубачей бѣлые. Въ домѣ
 матери помѣстились 12 человекъ; всѣ они
 были атлеты, но скромны и тихи до не-
 вѣроятности. Они стояли у насъ во все
 время пребыванія ихъ въ Москвѣ, и мы рѣши-
 тельно не видали отъ нихъ ни малѣйшей

непріятности; ни одинъ изъ нихъ ни разу не вошелъ даже къ намъ въ мезонинъ; но дядя Луцкихинъ бывалъ у нихъ каждый день. Отъ постояльцевъ своихъ мы получали довольно съѣстныхъ припасовъ, карасей (изъ Прѣсенскихъ прудовъ), а отъ битой скотины — головы, ноги, рубцы и т. п.; иногда давали намъ даже чай и сахаръ. Однимъ словомъ, во все это несчастное время мы, благодаря Бога, въ пищу не нуждались, тогда какъ многіе другіе не знали чѣмъ утолить свой голодъ: ѣли полумерзлой картофель, пареную рожь, а кусочекъ чернаго хлѣба, или сухарь изъ него, считали за лакомство! Французы у насъ стоявшіе ѣли постоянно бѣлый хлѣбъ; муки крупичатой у нихъ было вдоволь, они иногда пекли изъ нея и блины. Разъ какъ-то мы съ братомъ видѣли эту стряпню и даже отвѣдали. Одинъ изъ 12 нашихъ постояльцевъ исправлялъ должность повара, и намъ казалось, что онъ великой мастеръ: онъ блины не переворачивалъ ножомъ или вилкой, а подбрасывалъ на сковородѣ и блинъ тотчасъ пере-

ворачивался на другую сторону. За неимѣніемъ коровьяго масла, блины пекли на салѣ, но они намъ показались очень вкусны. Сначала Французы не знали, какъ употребляется семга и вздумали-было ее жарить.

Изъ всѣхъ около насъ стоявшихъ Французовъ къ дядѣ Луцихину ѣзжалъ только одинъ капитанъ конной гвардіи, по фамиліи Бартусье, человекъ уже почтенныхъ лѣтъ. Ѣзжалъ онъ всегда верхомъ на ворономъ арабскомъ жеребцѣ; лошадь была не высокая, но длинная и чрезвычайно красивыхъ статей; на ней онъ, бывало, прокатывалъ насъ съ братомъ немного, шагомъ, держа поводья самъ. Бесѣды капитана Бартусье съ дядей продолжались иногда часъ и два. Угощали его обыкновенно чаемъ. Много онъ интереснаго рассказывалъ дядѣ о своихъ походахъ; между прочимъ говорилъ, что онъ былъ и въ Египтѣ съ Наполеономъ, и жаловался, что по милости его вотъ уже около 10 лѣтъ не видитъ своей жены и дѣтей. Исполнилось ли это святое желаніе почтеннаго капитана Бартусье? Онъ же увѣрялъ, что

если бы Русскіе, послѣ Бородинскаго сраженія, имѣли возможность удержать Французовъ на одномъ мѣстѣ еще дня два или три, то они, не смотря на то, что гвардія ихъ не была еще въ дѣлѣ, положили бы оружіе, ибо терпѣли во всемъ ужасный недостатокъ и ѣли уже лошадиное мясо.

Съ постоемъ, грабежъ мародѣровъ по домамъ прекратился. Но внѣ домовъ иногда происходили ужасныя сцены. Вотъ одна изъ нихъ, случившаяся въ то время, когда уже въ домѣ нашемъ жили Французы. На той сторонѣ верхняго Прѣсенскаго пруда, гдѣ готическій заборъ, сюда вглубь, около ряда скамеекъ, образовавшихъ полуциркуль, въ срединѣ котораго растетъ развѣсистая липа, шелъ кто-то изъ Русскихъ и вздумалъ понюхать табаку изъ своей серебряной табакерки. Къ несчастію его, въ это самое время, поравнялся съ нимъ ѣхавшій верхомъ непріятельскій уланъ: увидавъ серебряную табакерку, кавалеристъ тотчасъ потребовалъ ее себѣ. Но Русскому не хотѣлось разстаться съ своею собственностію. Уланъ ни сколько ни задумался, въ одно

мгновеніе проткнулъ Русскаго пикой и воспользовался табакеркой. При пораженіи, несчастный упалъ спиной на первую, къ готическому забору и къ дорожкѣ, скамейку, голова его свѣсилась назадъ, а ноги касались земли. Въ этомъ положеніи онъ находился болѣе недѣли. У насъ съ братомъ доставало еще смѣлости каждый день смотрѣть, отъ сиреневыхъ кустовъ, похороненъ ли убитый?

Иногда мародёры врывались въ дома въ отсутствіе постояльцевъ. Такъ разъ наши конно-гвардейцы всѣ куда-то уѣхали, мы съ братомъ вышли на лугъ противъ нашего дома и сѣли. Въ это время къ намъ подошли два человѣка, одинъ высокаго роста, а другой очень малаго, они были въ костюмахъ тѣхъ, которые душили нашихъ куръ палками, и что-то стали намъ говорить. Не понимая ихъ, мы тотчасъ побѣжали домой въ свой мезонинъ; мародёры за нами, и тутъ успѣли похитить у насъ двѣ серебряныя столовыя ложки, дѣтскую шубу и новый головной слоновой кости гребень. Насъ побранили, что мы будто

показали мародёрамъ дорогу въ нашу квартиру. На другой день рано, не сказавшись никому, Бѣлобородова пошла жаловаться на мародёровъ Полковнику, стоявшему въ домѣ Ушакова, противъ Армянской церкви (17). Полковникъ приказалъ тотчасъ собрать всѣхъ вокругъ него живущихъ и показать Бѣлобородовой, чтобы она указала виновныхъ. Не вдругъ Бѣлобородова могла отличить ихъ: они, по словамъ Бѣлобородовой, старались сколько возможно перемѣнить фizioномію и вмѣсто фуражекъ были въ киверахъ и другой формѣ. Однако она обоихъ узнала, и указала Полковнику. Тогда объявили Бѣлобородовой, что оба виновные будутъ разстрѣляны и тутъ же, при ней, повели ихъ куда-то для исполненія будто этой экзекуціи. Но Бѣлобородова крѣпко въ этомъ сомнѣвалась, ибо приговоренные къ смерти дорогой смѣялись. Не смотря на это, дѣдомой бранилъ Бѣлобородову, что за такіе пустяки она ходила жаловаться и что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ сдѣлалась причиною смерти двухъ человѣкъ.

Собственно Французы имѣли страшное

вліяніе на другіе пришедшіе съ ними народы. Вотъ этому примѣръ. Случилось, что опять нашихъ постояльцевъ не было дома. Въ это время, въ баню, находившуюся у дѣда, пришла довольно значительная партія непріятелей, въ разнохарактерныхъ костюмахъ, съ ними были и женщины; они хотѣли здѣсь поселиться. Это сосѣдство нашимъ не нравилось, а выгнать ихъ было не кому: и въ домѣ дѣда стоявшіе Французы всѣ также были въ отсутствіи; мы съ братомъ побѣжали въ домъ смотрителя прудовъ, гдѣ стоялъ Полковникъ. Въ передней нашли мы сержанта конно-гвардейца, огромнѣйшаго роста, и знаками просили его, чтобы онъ за нами слѣдовалъ. Онъ сей-часъ согласился и мы повели его прямо въ баню. Въ то время, какъ онъ отворилъ дверь, одинъ изъ поселявшихся въ банѣ, находясь спиной къ двери, намѣревался сѣсть на стулъ; въ одно мгновеніе пришедшій съ нами сержантъ выхватилъ изъ-подъ садившагося стулъ и тотъ шлепнулся на полъ; но едва онъ успѣлъ подняться на ноги, какъ сержантъ началъ его подбивать

пощечинами и тотчасъ выгналъ всѣхъ вонъ. Сержантъ ушелъ, а выгнанные грозились дѣду, ходившему по двору вдали и манили его къ себѣ, какъ бы вызывая на драку. Надѣясь на свою силу, дѣдъ хотѣлъ идти къ нимъ, но былъ удержанъ домашними. Происшествіе это не имѣло для насъ никакихъ худыхъ послѣдствій.

Что не Французы жгли Москву, или, по крайней мѣрѣ, старались о сохраненіи остатковъ ея, доказательствомъ тому служить слѣдующій случай. Разъ наши вздумали истопить свою баню, а какъ она давно не топилась, то дымъ былъ какъ-то необыкновенно густъ и черенъ. Французы, сочтя это за пожаръ, нагрянули на дворъ и начали заливать трубу и даже ломать ее. Всѣхъ больше, помню, хлопоталъ какой-то толстый господинъ, должно быть штабъ-офицеръ, судя по его густымъ, золотымъ эполетамъ; онъ влѣзъ на крышу и самъ ломалъ трубу. Впрочемъ, жившая у насъ въ это несчастное время, одна благородная старушка увѣряла, что въ первые дни, по вступленіи Французовъ въ Москву, она сама гдѣ-

то видѣла, что непріатели выстрѣлили изъ ружья въ какой-то домъ и отъ этого онъ будто загорѣлся. Эта же старушка разсказывала, что она была свидѣтельницею геройской кончины одного казака. Передъ выходомъ Французовъ изъ Москвы, казаки стали проникать въ столицу, какъ для устрашенія непріателей, такъ и изъ удалства. Такимъ образомъ, одинъ казакъ доскакалъ до часовни Иверской Божіей Матери, но тутъ подстрѣлили подъ нимъ лошадь; на спѣшившагося напала цѣлая толпа непріателей, которые заставляли казака сказать «пардонъ», но казакъ не соглашался; тогда посыпались на него сабельные удары, и все-таки заставляли его говорить «пардонъ.» Но казакъ, изнемогая подъ ударами и лежа уже на землѣ, твердилъ только: «ни, ни, ни!» И съ тѣмъ кончилъ геройскую жизнь свою.

Выше я обѣщалъ разсказать, какъ Арапъ, спавшій на дворѣ смотрительскаго дома, былъ въ послѣдствіи невиннымъ орудіемъ расхищенія нашего имущества, зарытаго въ землѣ. Вотъ какъ это случилось. Этотъ Арапъ, какъ я уже сказалъ, былъ камер-

динеромъ Полковника, стоявшаго въ смотрительскомъ домѣ, и отдавалъ мыть бѣлье женѣ старшаго или унтеръ-офицера рабочей команды, бывшей при Прѣсненскихъ прудахъ. Ей же Арапъ разъ какъ-то отдалъ на сохраненіе нѣсколько бутылокъ рому и винъ. А какъ эта женщина до такихъ вещей сама была страстная охотница, то она и распорядилась ими какъ своею собственностію; впрочемъ, въ этомъ помогалъ ей и мужъ ея, горькій пьяница. Какъ бы то ни было, при спросѣ рома и винъ, прачка объявила, что и ромъ и вины у нея будто похищены. Не довѣряя этой выдумкѣ и подозрѣвая, что она сама распила ихъ, Арапъ сталъ грозить ей наказаніемъ, если она не сыщетъ рому и винъ. Въ этой крайности, вдругъ у этой пьянюшки родилась мысль, что въ погребѣ у моего дѣда должно быть зарыто много и рому и винъ; она передаетъ эту мысль за вѣрную Арапу, и тотъ съ нѣсколькими служителями пришли въ погребъ дѣда и вмѣсто рома и винъ (которыхъ тамъ не было) вырыли два сундука съ имуществомъ, которое тотчасъ же и расхитили до по-

слѣдней нитки. Однако за эту счастливую мысль жена старшаго страшно расплатилась. По жалобѣ нашихъ, стоявшіе у насъ Французы вступились въ это дѣло и позволили наказать преступницу. Въ слѣдствіе сего, ратникъ Лаврентій и другой человѣкъ дяди Луцихина, Платонъ, высѣкли ее ужаснымъ образомъ. Въмѣсто обыкновенныхъ розогъ они употребили шиповникъ, и до того сѣкли, что уже Французы вступились за нее и прекратили экзекуцію. Мужъ этой женщины, какъ я выше сказалъ, то же былъ великій пьяница и какъ-то умѣлъ доставать себѣ въ то время (что было весьма трудно) вина, чтобы напиться. Въ этомъ положеніи онъ мучилъ дѣда; придетъ-бывало къ нему и говоритъ: «Яковъ Антоновичъ! Я покажу Французамъ гдѣ зарыто церковное серебро» (церкви св. Георгія въ Грузинахъ). На это дѣдъ всегда отвѣчалъ ему: «покажи, а я тебя тутъ же убью.» Однако ни того, ни другаго, слава Богу, не случилось, и церковь Св. Георгія не только сохранила всѣ свои сокровища, но не была даже осквернена непріятелями, кромѣ

того что въ ней клали соломѣ и во все время почти была запертою (18). Но колокольня не была заперта, и на нее хаживали непріатели и звонили. Иногда, бывало, забывшись, что это потѣха враговъ, обрадуешься, услышавъ церковный благовѣстъ, но вспомнивъ, кто его производитъ, страшно непріятное, огорчительное чувство сжимало сердце. Такъ разъ, помню, именно во время этого безобразнаго трезвона, среди дня, одного изъ прекраснѣйшихъ, при совершенно безоблачномъ небѣ, вдругъ раздается на сѣверной отъ насъ сторонѣ страшный, громовой трескъ; широкій огненный языкъ мелькнулъ къ небу и вмѣсто его мгновенно на этомъ мѣстѣ стала бѣлая туча въ видѣ исполинской сосны. Это былъ взрывъ пороховаго погреба на Полевомъ Дворѣ, бывшемъ тамъ, гдѣ нынѣ начало Николаевской желѣзной дороги. Отъ чего этотъ взрывъ случился, не знаю; но Французы этимъ взрывомъ, не обезпокоились; по этому надо полагать, что они знали объ немъ предварительно. Я видѣлъ, что одинъ только непріатель, шедшій въ это

время поперегъ площадки противъ Армянской церкви, какъ бы испугался и побѣжалъ.

Еще Помню, въ этотъ же день, К. А. Бѣлобородова показала нѣкоторое геройство. При нашей приходской церкви, у свѣчей, находился отставной солдатъ, довольно уже преклонныхъ лѣтъ, по имени Аѳанасій. Онъ оставался въ Москвѣ, и въ этотъ день вечеромъ куда-то шелъ мимо нашихъ домовъ, по полю. Встрѣтившійся ему мародёръ хотѣлъ его обыскать; старикъ уперся, но мародёръ, поваливъ старика, сѣлъ на него верхомъ и сталъ душить. Старикъ кричитъ, но помощи ни откуда нѣтъ. Тутъ Бѣлобородова во весь духъ бѣжитъ на помощь старому воину и первымъ ея дѣломъ было схватить мародёра за волосы и повалить на землю; пока мародёръ вставалъ на ноги, Бѣлобородова успѣла уже надавать ему нѣсколько горячихъ пощечинъ, а тутъ и старикъ, Аѳанасій, пріосамился, и они вдвоемъ сами уже напали на мародёра такъ, что онъ немедленно показалъ имъ тылъ.

Бѣлобородова была весьма отважнаго характера и ходила иногда по Москвѣ, не

боясь непріятелей. Разъ какъ-то у насъ вышелъ весь сахаръ. Бѣлобородова провѣдала, что сахаромъ торгуетъ какая-то Француженка. Бѣлобородова отправляется къ ней и пантомимами, съ помощію небольшого кусочка сахара, объясняетъ причину своего визита. Француженка даетъ ей знать, чтобы она говорила тише, ибо-де торгуетъ сахаромъ тихонько отъ своего мужа, и спрашиваетъ: на сколько ей нужно сахару? Бѣлобородова показываетъ цѣлковый. Француженка даетъ ей фунтовъ пять. Но Бѣлобородова показываетъ ей опять пантомимами, что у нея будто семеро маленькихъ дѣтей, и чувствительная Француженка даетъ ей еще въ прибавокъ цѣлую полоскательную чашку мелкаго сахару. Послѣ того Бѣлобородова отдала Француженкѣ цѣлковый, но не тотъ, что прежде показывала, а фальшивый. Когда дѣдъ узналъ объ этой продѣлкѣ Бѣлобородовой и сталъ ее бранить, то она оправдывалась тѣмъ, что непріятелей обманывать не грѣхъ.

Не смотря на то, что постояльцы наши вели себя весьма скромно, и даже помогали намъ, у насъ съ братомъ мало было къ

нимъ расположенія. Мы готовы были, кажется, и побить бы ихъ, если бы только имѣли возможность. Такъ иногда играя, мы уставляли противъ нихъ палки, которыя служили намъ вмѣсто ружей и произносили: «пафъ»! Но добрые Французы на это только смѣялись. Иногда стоявшихъ по сосѣдству Французовъ мы, бывало, изъ за угла и выругаемъ Французскими бранными словами, но и за это они насъ не преслѣдовали. Брату разъ удалось даже и подраться съ непріятелями, сверстниками ему по лѣтамъ. Изъ дома дѣда постояльцевъ куда-то вывели. Въ это время пришли туда два непріятельскихъ мальчика и начали бить въ окнахъ и въ образной стѣкла. Братъ, взявъ съ собой товарища, жившаго у насъ, мальчика лѣтъ 11, по имени Николашу, и еще другаго мальчика, лѣтъ 14, тоже Николая (портнаго, работавшаго на нашихъ постояльцевъ, Французовъ), отправился въ домъ дѣда и вдвоемъ только, съ первымъ своимъ товарищемъ, началъ выгонять маленькихъ буяновъ, а портной былъ спрятанъ въ засадѣ, за дверью, около лѣстницы;

довольно неучтивымъ образомъ выпроводили незваныхъ гостей до лѣстницы, а тутъ вышедшій изъ засады портной довершилъ ихъ пораженіе, и они были преслѣдованы до мостика, раздѣляющаго верхній Прѣсненскій прудъ отъ другаго, не-регулярнаго. Въ эту экспедицію меня не брали, вѣроятно за малолѣтствомъ.

Сколько собственно Французы были учтивы и даже любезны, можетъ служить доказательствомъ деликатное ихъ обращеніе съ одною Грузинскою княжною, которая жила на большой Прѣсненской улицѣ и была уже дряхлая старуха. Узнавъ объ ея званіи, Французы, стоявшіе въ одномъ съ нею домѣ, всякій день присылали ей супу и даже кофе. Эта старушка пережила Французское нашествіе и скончалась уже въ исходѣ 1814 года, слишкомъ 100 лѣтъ отъ роду; я видалъ ее въ церкви Св. Георгія. Сказывали, что въ молодости она была красавицей и находилась въ сералѣ Надиръ-шаха, умершаго въ 1747 году.

Но не всѣ оставшіеся въ Москвѣ жители были такъ счастливы, какъ наше семей-

ство и, можетъ быть, еще немногіе другіе. Большая часть страдала, и главное—отъ недостатка въ пищу. Были и насилія, возмущающія душу, и убійства изъ совершенныхъ пустяковъ. Такъ, у нашихъ знакомыхъ, гг. Дьячковыхъ, жившихъ къ 4-й Мѣщанской, непріятель убилъ горничную дѣвушку за то, что она, выстиравъ панталоны его, испортила зашитыя въ нихъ ассигнаціи, о которыхъ она не знала, и онъ самъ забылъ объ нихъ. Главнымъ, общимъ мученіемъ были ноши. Иногда заставляли переносить тяжести, несоразмѣрныя съ силами человѣческими, и притомъ били безъ милосердія отказывавшихся нести ихъ. Такъ, въ послѣдствіи, хорошій мой знакомый С. В. Путимцевъ, рассказывалъ, что во время Французовъ онъ оставался въ Москвѣ, жилъ за Москворѣчьемъ и имѣлъ отъ роду не болѣе 14 лѣтъ. Одинъ непріятель взвалилъ на него страшную ношу. Чувствуя, что она не по силамъ его, онъ рѣшился сбросить ее съ себя и бѣжать. Но въ страхъ отъ преслѣдованія, бѣжавъ по пожарищамъ, попалъ въ ретирадное мѣсто

и навѣрное утонулъ бы, если бы, по счастью, не случился тутъ вблизи другой непріятель, который и вытащилъ его за волосы.

Всѣ эти мученія и неистовства, не знаю почему, приписывали преимущественно двумъ народамъ — Баварцамъ и Полякамъ. Но справедливо ли? Изъ настоящаго разсказа моего можно судить, по крайней мѣрѣ о послѣднихъ, иначе. Непріятель уговаривавшій дѣда не сердиться за колпакъ внука, и другой, отдававшій ему назадъ сапоги, были, навѣрное, Поляки.

Недостатка въ пищѣ у Французовъ, (стоявшихъ у насъ въ домѣ), во все время пребыванія ихъ въ Москвѣ, мы не замѣчали; только, не задолго уже до выхода, вмѣсто бѣлаго хлѣба они стали употреблять пеклеванный; но въ фуражѣ оказывался недостатокъ задолго, такъ что не рѣдко лошадей кормили ржаными снопами; впрочемъ незамѣтно было, чтобы отъ этого они худѣли или падали. Лошади у нихъ были замѣчательной, особенной какой-то крупной породы.

Само собой разумѣется, что въ это не-

счастное время носились разные непріятныя для Русскихъ слухи: то говорили о болѣзни и кончинѣ Государя Императора Александра Павловича, то увѣряли, что Французы остаются зимовать въ Москвѣ и. т. п. Мать ужасно беспокоилась на счетъ недостатка въ хлѣбѣ, и думала, что намъ придется умереть съ голоду; приказано было наблюдать возможную экономію. Но дѣдъ, не смотря на это, тихонько, правда, отъ семейства, всякой день отрѣзывалъ по нѣскольку ломтей чернаго хлѣба и раздавалъ бѣднымъ раненымъ нашимъ солдатамъ, съ тѣхъ поръ, какъ разъ онъ увидалъ ихъ ползающихъ около помойной ямы и выбирающихъ оттуда обрѣзки картофеля и кой-какіе остатки отъ другой пищи.

Къ этимъ непріятнымъ слухамъ прибавляли еще, что Русскіе непременно атакуютъ Французовъ въ самой столицѣ и дадутъ большое сраженіе. Послѣдніе слухи шли прямо отъ Французовъ, такъ что по совѣту ихъ же, дядя Луцихинъ съ женой и людьми своими удалились изъ Москвы еще недѣли за двѣ до выхода непріятелей.

Послѣ того, можно представить нашу радость, когда мы узнали, что непріатели оставляютъ совсѣмъ Москву. Правда, въ эти дни не обошлось безъ тревоженій. Началось съ того, что постояльцы наши уѣхали поутру вмѣстѣ съ сосѣдями однополчанами своими, а часа черезъ два или три, одинъ изъ стоявшихъ у насъ возвратился и началъ искать какого-то стараго чепрака. Перерывъ все въ домѣ и принадлежностяхъ и ненаходя чепрака, онъ пошелъ искать его на наши чердаки со свѣчой, потому что на чердакахъ было довольно темно. Вдругъ дѣду пришла въ голову мысль, что этотъ Французъ воротился, вѣроятно, для того, чтобы зажечь нашъ домъ. Онъ объявилъ свое подозрѣніе матери и совѣтовался: не убить ли его? Само собой разумѣется, мать успокоила старика тѣмъ, что одного непріателя бояться нечего и что за нимъ смотрятъ всѣ наши люди. Не найдя чепрака, Французъ уѣхалъ. И что же, спустя долгое время, кажется уже весной въ слѣдующемъ году, нашли этотъ чепракъ въ навозѣ.

Къ вечеру въ этотъ же день, стали

показываться небольшими партіями казаки, спрашивая: нѣтъ ли гдѣ Французовъ. И при этомъ случаѣ наша Бѣлобородова отличилась. Въ то время, какъ казаки подѣхали къ дому дѣда, Бѣлобородова замѣтила спрятавшагося за колодезь какого-то мародѣра, котораго, вытащивъ изъ засады, своими руками выдала казакамъ.

Въ слѣдующую ночь мы слышали отчаянный крикъ не вдалекѣ отъ насъ. Поутру, противъ церкви Св. Георгія, на большой Грузинской улицѣ, нашли мы изрубленнаго непріятеля. Жившіе противъ сказывали, что его изрубили казаки. Дѣдъ съ прикащикомъ своимъ и тѣмъ унтеръ-офицеромъ, который все грозился открыть; гдѣ зарыто церковное серебро, похоронили убитаго, тутъ же при дорогѣ. При чемъ этотъ пьянюшка хотѣлъ-было снять съ мертваго панталоны, которые ему очень понравились, но дѣдъ не позволилъ.

Въ этотъ и послѣдующіе дни много было подобныхъ сценъ. Вышепомянутый мой пріятель, Путимцевъ, которому такъ-было дорого стоила сброшенная ноша, рассказывалъ,

что когда Французы уже выходили изъ Москвы, онъ шелъ мимо одного дома и любопытствовалъ посмотрѣть въ щель забора, что на дворѣ этого дома дѣлается. Онъ увидѣлъ, что семь человекъ изъ непріятелей, похожихъ какъ-бы на деньщиковъ или служителей, почти безоружныхъ, укладывали коѣ-какое имущество въ фуру, какъ вдругъ влетаетъ на дворъ казакъ и въ нѣсколько секундъ всѣхъ семерыхъ непріятелей перебилъ пикой. Соскочивъ съ лошади и обыскавъ убитыхъ, казакъ вскорѣ уѣхалъ. Пріятель мнѣ признавался, что на него самого нашелъ такой страхъ, что онъ спрятался въ высокую крапиву, боясь, чтобы казакъ не почелъ и его за непріятельскаго мародѣра и не поподчивалъ бы дротикомъ.

Другой мой знакомый рассказывалъ, что казакъ засталъ двухъ непріятелей спящими въ кладовой одного дома и заставилъ дворника этого дома убить ихъ; дворникъ, хотя и отговаривался, но казакъ настоялъ, грозясь въ противномъ случаѣ убить его самого. Когда дворникъ исполнилъ приказаніе, убивъ несчастныхъ дубиной, то казакъ, угостивъ

дворника водкой, сказалъ что онъ такой же христіанинъ и что только попугалъ его.

Наконецъ, не могу не передать одного разсказа, слышаннаго мною отъ одной благородной женщины, которая увѣряла, что видѣла самого Наполеона. Она сказывала, что во все это несчастное время находилась съ родственниками своими въ Церкви Спаса на Глинищахъ, близъ Ильинскихъ воротъ, гдѣ въ то время жили и многіе другіе Русскіе, лишенные крова; что тутъ же, по какому-то случаю, находился Французскій карауль. Разъ какъ-то забили около церкви въ барабаны, и въ церковь вошелъ нѣкто въ шинели и въ фуражкѣ, всталъ посреди-храма и озирался кругомъ; по барабанному бою и по тому почтенію, какое оказывали ему Французы, всѣ догадались, что это самъ Наполеонъ, на всѣхъ нашелъ невольный страхъ, всѣ встали. По отъѣздѣ его, Французы подтвердили, что это дѣйствительно былъ ихъ Императоръ.

IV.

Сраженіе казаковъ съ Французами; безначаліе; взрывъ
Кремля; послѣдствія.

Когда наши постояльцы, конно-гвардейцы, отъ насъ уже уѣхали, то на другой день утромъ часовъ въ 12-ть, я былъ дома и сидѣлъ въ мезонинѣ у открытаго окна: такъ хороша была погода, теплая и ясная, не смотря на Октябрь мѣсяць. Я особенно былъ веселъ и спокоенъ, думая, что всѣ бѣдствія наши кончились. Вдругъ вижу, изъ-подъ горы, отъ Прѣсенскихъ прудовъ, бѣжитъ къ нашему дому какая-то женщина, довольно полная, не молодыхъ лѣтъ, повязанная бѣлымъ платкомъ, и кричитъ: «Спасайтесь, батюшки! Бонапартъ велѣлъ воротиться Французамъ и переколотъ всѣхъ остальныхъ жителей.» Этимъ словамъ я

еще не совсѣмъ вѣрилъ, но когда увидалъ, что чрезъ Камеръ-Коллежскій валъ, между домами Князей Якова Леоновича Грузинскаго и Петра Ивановича Одоевскаго, переваливаетъ значительный отрядъ Французской пѣхоты съ ружьями, на которыхъ отъ солнца блистали штыки, то чрезвычайно испугался, тѣмъ болѣе, что въ это время сомной никого не было; домашніе тогда въ нижнемъ этажѣ убирали послѣ Французовъ комнаты. Я полагалъ, что пришелъ нашъ конецъ, и страшная тоска обняла мое сердце, въ первый разъ въ моей жизни. Но испугъ мой, благодаря Бога, продолжался не долго; смотрю и вижу, что изъ рощицы, отъ дома Князя Я. Л. Грузинскаго, на той отъ насъ сторонѣ Прѣсненскаго пруда, гдѣ нынче чугунный заводъ купца Расторгуева, показался казакъ, за нимъ другой, третій, и такъ ихъ выѣхало до 70 человекъ. Лучъ надежды блеснулъ въ моей душѣ. Французы, увидя казаковъ, на нѣсколько секундъ остановились и пошли назадъ чрезъ Камеръ-Коллежскій же валъ по дорогѣ къ Петровскому дворцу. Казаки слѣдовали за

ними, но тихо, шагомъ; наконецъ и тѣ и другіе скрылись за валомъ: я совершенно успокоился и сколько сначала былъ испуганъ, столько же теперь былъ радъ, увѣренный, что если казаки въ большомъ количествѣ прибыли уже въ Москву, то они не дадутъ насъ въ обиду. Въ это время подбѣгаетъ къ нашему дому старшій братъ мой, Иванъ, и кричитъ мнѣ: «Петя, пойдѣмъ на колокольню смотрѣть какъ будутъ драться казаки съ Французами.» Я тотчасъ сбѣжалъ внизъ, и мы втроемъ съ тѣмъ проживавшимъ у насъ мальчикомъ, Николаемъ, отправились на колокольню церкви Св. Георгія. Когда мы туда пришли, то Французы стояли уже развернутымъ фронтомъ, казаки вдали противъ нихъ, и между ними происходила ружейная перестрѣлка. Позиція сражавшихся была такова: Французы стояли спиной къ Петербургской дорогѣ, близъ начала нынѣшняго парка отъ Москвы, а казаки на мѣстѣ нынѣшняго же скаковаго круга. Очень помню, что Французы стрѣляли повзводно, а казаки, выстрѣливъ, закидывались какъ-то за лошадь на лѣво и

поворачивали въ эту же сторону кругомъ, заряжая, вѣроятно, въ это время ружья. Перестрѣлка въ виду насъ продолжалась, думаю, болѣе пулучаса; но ни у казаковъ, ни у Французовъ не видать было убитыхъ, или выбывшихъ изъ строя; признаться, эти однообразные маневры начали мнѣ надоедать и я-было уже хотѣлъ идти домой, какъ вдругъ казаки съѣхались во фронтъ, сомкнулись, уставили пики, какъ бы прилегли, и пустили на Французовъ во весь духъ лошадей. Мы всѣ трое обратились въ одно вниманіе. Французы сначала какъ бы не испугались, не дѣлали даже каре, однако и казаки тоже не робѣли и неслись неустрашимо противъ уставленныхъ на нихъ ружей. Не допуская до себя саженой, такъ полагаю, на сто, Французы не устояли и обратили тылъ, казаки вскорѣ настигли ихъ; пошла работа пиками и, въ это же самое мгновеніе, бѣгущихъ Французовъ встрѣтили православные наши мужички, какъ бы изъ земли выросшіе, съ домашними орудіями. Тогда все смѣшалось. Картина была страшная! Казаки съ изумительною быстротою

укладывали Французовъ дротиками на вѣчный покой; съ другой стороны мужички помогали также усердно; Французы видимо исчезали съ лица земли, пощады имъ не давали, или они не просили ея по своей гордости, какъ послѣ, въ сраженіи подъ Ватерлоо (19). Еще нѣсколько минутъ боя—и казаки были уже безъ дѣла; нѣкоторые изъ нихъ спѣшились и уставляли въ козлы пики. Понявъ изъ этого, что наши восторжествовали, мы возблагодарили Госиода отъ всего сердца за побѣду и возвратились домой съ великою радостію. Тутъ вскорѣ, пришелъ съ поля сраженія О. А. Пелецкій (20) и разсказалъ, что казакамъ много помогли наши православные мужички изъ окрестныхъ селеній; что они, прежде скрываясь въ кустахъ и ямахъ, на мѣстѣ нынѣшняго Петровскаго парка, наблюдали за ходомъ сраженія и въ моментъ ретирады Французовъ встрѣтили ихъ внезапно и дружно, угощая чѣмъ Богъ послалъ: вилами, топорами, рогатинами и даже просто дубинами. Пелецкій сказывалъ, что Французовъ было до четырехъ сотъ человѣкъ, какъ и мы полагали, а казаковъ

съ офицеромъ всего 71, и что этотъ подвигъ казакамъ ничего почти не стоилъ; у нихъ былъ раненъ только офицеръ въ лѣвую руку, пулей; рану перевязывали ему при Пелецкомъ; онъ также видѣлъ, какъ въ это же время православные зарывали уже Французовъ въ готовыя ямы, откуда сдѣланъ былъ имъ такой неожиданный сюрпризъ. Какъ хорошій стрѣлокъ и не по лѣтамъ храбрый, Пелецкій спѣшилъ на сраженіе тоже съ ружьемъ и боевыми припасами; но пока онъ туда шелъ, дѣло было уже кончено (21).

Эта маленькая, но по обстоятельствамъ довольно славная побѣда не была ли первою при изгнаніи Французовъ изъ Москвы въ 1812 году?

Какъ теперь не вспомнить напечатанной въ 1854 году статейки въ № 61 Московскихъ Вѣдомостей, въ иностранныхъ извѣстіяхъ, изъ Парижа отъ 21 Мая! Тамъ сказано:

«ИМПЕРАТОРЪ и ИМПЕРАТРИЦА вчера были въ театръ и смотрѣли жалкую піесу: *Казакъ*. Все дѣло въ ней состоитъ въ томъ, что

весьма незначительное число французовъ обращаютъ въ бѣгство множество казаковъ. На театръ это легко и ничего не стоитъ.»

Послѣ же настоящаго разсказа, въ которомъ нѣтъ вымысла ни на сколько, дѣло выходитъ совсѣмъ на оборотъ: здѣсь горсть казаковъ, съ помощью небольшого же числа мирныхъ въ другое время поселянъ, не прогнали, а вовсе уничтожили въ нѣсколько минутъ до четырехъ сотъ Французовъ, или ихъ союзниковъ.

Выше сказано, что въ день сраженія казаковъ съ Французами, погода была теплая и ясная; пользуясь хорошою погодою, мы съ братомъ, тотчасъ послѣ обѣда, вышли на лугъ, противъ нашего дома, и увидѣли, что на дворѣ у одного изъ сосѣдей играютъ дѣти. Домъ, гдѣ играли дѣти, находился на большой Грузинской улицѣ, почти противъ церкви Св. Георгія Побѣдоносца, и принадлежалъ Гг. Кванчехадзевымъ; онъ выстроенъ былъ не много отступя отъ улицы, съ палисадникомъ, около котораго былъ не высокій рѣшетчатый заборчикъ. Желая удобнѣе посмотрѣть на игры дѣтей, мы съ бра-

томъ стали рядомъ на фундаментъ того заборчика, плечо съ плечомъ, и держались за рѣшетку. Глядя на дѣтскія игры, мы вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили, что за дворомъ Кванчехадзевыхъ, саженьяхъ въ 50 или 60 отъ насъ съ братомъ, на горѣ, гдѣ былъ садъ Петра Александровича Расловлева, стоитъ какой-то малый, въ красной рубашкѣ, лѣтъ 20, остриженный въ скобку, съ ружьемъ; потомъ видимъ, что этотъ парень направляя ружье въ нашу сторону, какъ бы мѣтитъ; мы не могли придумать: какую цѣль онъ выбираетъ для своего выстрѣла: передъ нимъ ничего небыло, кромѣ крутаго спуска съ горы, внизу протекалъ маленькій ручеекъ, а далѣе былъ уже дворъ Кванчехадзевыхъ, гдѣ играли дѣти, и на границѣ котораго стояли мы съ братомъ. Среди нашего раздумья, развлекаемаго играми дѣтей, вдругъ раздается выстрѣлъ; съ ужаснѣйшимъ свистомъ пролетѣла пуля между насъ съ братомъ и около самаго праваго моего уха; мы видѣли, что выстрѣлилъ именно тотъ парень, въ красной рубашкѣ, и побѣжалъ назадъ въ глубь сада Расловлева; мы соскочили

съ фундамента забора, явились домой и рассказали о случившемся съ нами; испуганные этимъ происшествіемъ, наши боялись продолженія подобнаго своевольтва и не знали что дѣлать. Въ это время входитъ въ комнату О. А. Пелецкій и узнаетъ причину безпокойства нашего семейства; онъ любилъ насъ какъ родныхъ; поступокъ парня въ красной рубашкѣ чрезвычайно его взволновалъ; онъ взялъ съ насъ слово никуда безъ него не ходить и тотчасъ же зарядивъ свое ружье, пошелъ отыскивать красную рубашку, говоря: «я покажу этому «мерзавцу: какъ надобно стрѣлять». Но, къ счастью, Пелецкой не нашелъ его (22).

Что побудило къ такому поступку парня въ красной рубашкѣ, не знаю, а полагаю главною причиною увѣренность въ безнаказанности по отсутствію властей. Покуда прибыла въ Москву полиція, не мало было подобныхъ своевольствъ и неуройства; добрые люди, сколько ни терпѣли отъ неприятели, но жалѣли въ эти дни даже и объ нихъ. Вотъ до чего доходило и что значить совершенное безначаліе! Но оно,

славу Богу, продолжалось не болѣе какъ два, три дня (23).

Въ числѣ забавныхъ сценъ въ эти дни я помню одну, около нашего дома, на Грузинской улицѣ. Одинъ мужичекъ досталъ себѣ гдѣ-то цѣлую бочку простаго хлѣбнаго вина, взвалилъ ее на дровни и пробирался по направленію къ Петербургской заставѣ; а какъ дорога сзади нашего дома была песчаная, то кляча мужичка рѣшительно отказалась везти возъ далѣе. Ясно было, что мужичекъ предвидѣлъ тяжелую дорогу и заблаговременно перелилъ изъ бочки, сколько могъ, въ свой желудокъ; но какъ для облегченія лошади этого было недостаточно, то онъ закричалъ во всеуслышаніе: «кому надобно вина дешеваго»? На этотъ возгласъ явилось довольно охотниковъ-покупателей; цѣна объявлена рѣшительная, по рублю серебромъ за ведро, какого бы оно размѣра ни было. Въ числѣ покупателей явилась и изъ нашего дома Бѣлобородова, она купила ведро вина за условленную цѣну, но ей захотѣлось взять и другое, а заплатить еще рубль стало

жалко въ томъ убѣжденіи, что мужикъ торгуетъ виномъ чужимъ; для полученія вина даромъ, она придумала слѣдующее средство: воротясь домой, поспѣшно соскоблила съ зеркальныхъ верешковъ ртуть и взявъ 11 полушекъ стала натирать ихъ; когда полушки какъ бы осеребрились, она взяла другое ведро вина и заплатила полушками; замѣтивъ, что мужикъ собирается считать деньги и не желая, чтобы онъ разсмотрѣлъ ихъ, покупщица, дѣлая видъ что хочетъ взять деньги назадъ, сказала: «постой-ка, стой, никакъ я дала тебѣ 11 гривенниковъ». Но мужикъ, отдернувъ руку и кладя проворно эти *гривенники* за пазуху, вымолвилъ»: что взято, то свято» (24). И такъ, за одинъ рубль серебромъ, получили два добрыхъ ведра хорошаго вина, которое Французамъ, хотя было и не по вкусу, но они не давали его и Русскимъ, боясь, по видимому, худыхъ отъ него для себя послѣдствій, въ родъ Сицилійскихъ вечеренъ, забывая (или не зная нашей исторіи), что Русскіе никогда враговъ своихъ не истребляли коварствомъ, и для храбро-

сти не прибѣгаютъ къ подобнымъ средствамъ, нося храбрость въ груди своей.

Но эти страхи и неустройства были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало въ будущемъ. Надобно сказать, что во все время пребыванія непріятелей въ Москвѣ, мы не были увѣрены за спокойствіе ни одного дня, ни одной ночи. По оставленіи насъ дядею Луцкихимъ мы, по непріятнымъ слухамъ, держали себя осторожнѣе, и во все это время спали не раздѣваясь. Когда же постояльцы наши, Французы, совсѣмъ уѣхали, а на другой день мы съ братомъ были свидѣтелями, какъ на проводахъ, угощали ихъ товарищей казаки съ поселянами — тогда нѣсколько успокоившись и не видя болѣе враговъ, въ первый разъ, по выходѣ Французовъ, легли спать въ однѣхъ рубашкахъ. Молодые и здоровые, мы съ братомъ и безъ того всегда спали крѣпко, но въ эту ночь особенно сонъ нашъ былъ спокоенъ. Вдругъ, среди самаго сладкаго сна, насъ будятъ и велятъ какъ можно скорѣе одѣваться. Опомнившись спрашиваемъ о при-

чинѣ; намъ говорятъ, что началось сраженіе, что сей-часъ слышали ужаснѣйшій громъ, какъ бы отъ выстрѣловъ изъ нѣсколькихъ вдругъ орудій; что домъ нашъ поколебался въ основаніи, и что наши домашніе, мгновенно отъ того проснувшись, вскочили съ постелей, но не могли устоять, шатались и падали. Одѣвшись поспѣшно, мы выбѣжали съ своими на лугъ противъ нашего дома. Было еще темно, чувствовался сильный сѣрный запахъ и слышался какой-то глухой, постоянный шумъ у Драгомиловскаго моста; видно, шло чрезъ него войско; вскорѣ мы сами уже слышали два удара, одинъ за другимъ, казавшіеся выстрѣлами изъ самыхъ большихъ орудій, продолжительный гулъ которыхъ какъ бы происходилъ отъ чего-то катившагося по отдаленнымъ мостовымъ (25). Мы не знали чему все это приписать и долго стояли среди луга. Мало по малу замолкъ шумъ на Драгомиловскомъ мосту; настала мертвая, сельская тишина. Въ это время кто-то изъ нашихъ сказалъ:» Вѣрно, Французы подорвали Кремль.» Эта мысль показалась

правдоподобною (26). Чрезъ темъ и дымъ мы напрягали зрѣніе къ Кремлю, такъ какъ отъ насъ съ луга видѣнъ былъ Иванъ Великій, но ничего еще нельзя было рассмотреть; стало свѣтать, но Кремль еще не показывался; мы не шли въ домъ, боясь повторенія подобнаго первому взрыва, и рѣшились ожидать совершеннаго утра подъ открытымъ небомъ. Наконецъ, взошло солнышко, а вскорѣ послѣ него показалась и золотая глава Ивана Великаго; онъ стоялъ по прежнему богатыремъ къ нашей радости и къ досадѣ Французовъ, или, лучше сказать, ихъ предводителя, по волѣ котораго все это дѣлалось (27). Нашъ древній благовѣстникъ какъ бы презиралъ безсильную злобу и адскій умыселъ низвергнуть его, послѣ двухъ-вѣковаго существованія; но онъ, однако стоялъ безъ креста, который прежде еще сняли съ него, сочтя за золотой или серебряный. Часовъ въ восемь, мы осмѣлились войти въ свой домъ и, озябнувъ порядочно, спѣшили пить чай, показавшійся намъ особенно пріятнымъ послѣ такого переполоха и холодного ок-

тябрьскаго утра, не улыбавшагося, вѣроятно, и Французамъ, улепетывавшимъ въ лѣтней одеждѣ въ такую пору изъ родной нашей Москвы, которая на этотъ только разъ, и исключительно для нихъ, измѣнила свое правдивое названіе гостепріимной: не снабдивъ ихъ въ дорогу ни хлѣбомъ-солью, ни теплою одеждою.

Въ этотъ же день много прибыло казаковъ, показалась полиція — и порядокъ въ столицѣ возстановился, къ истинной радости всѣхъ друзей порядка и благочинія.

По выходѣ Французовъ, древняя наша столица представляла печальную картину. Лучшія улицы всѣ почти выгорѣли. Въ три дни огонь пожралъ семь тысячъ шестьсотъ тридцать два дома, т. е. шесть осьмихъ частей Москвы. Отъ пороховыхъ подкоповъ сдѣланныхъ въ Кремль, разрушились Арсеналь, верхъ Никольской башни, часть стѣны Кремлевской и Филаретовская колокольная. Огромная же колокольная, извѣстная подъ именемъ Ивана Великаго, всколебалась, треснула, но устояла.

При этомъ ужасномъ разрушеніи дивно

сохранился образъ Святаго Николая, написанный на наружной стѣнѣ Никольской башни, надъ воротами. Верхняя часть этой башни, примыкающей къ Арсеналу, была взорвана вмѣстѣ съ симъ зданіемъ, по самый кіотъ образа Св. Николая; но чудотворная икона осталась невредимою и со стекломъ, прикрывавшимъ ее и съ фонаремъ передъ нею висѣвшимъ, тогда какъ въ Сенатѣ, около этой башни находящемся и во всѣхъ окрестныхъ зданіяхъ, не только не осталось ни одного цѣлаго стекла, но даже ни одна рама не устояла на своемъ мѣстѣ. Описаніе этого чуда сохранено для памяти потомства въ слѣдующей надписи, изображенной по повелѣнію Императора Александра на доскѣ подъ самымъ образомъ:

Въ 1812 году во время непріятельскаго нашествія, твердыня сія почти вся была разрушена подрывомъ непріятеля; но чудесною силою Божією святой образъ Угодника Божія, Святителя Николая, здѣ начертанный на самомъ камени, и не токмо самый образъ, но и стекло, прикрывавшее оный, и фонарь со свѣщею

остались невредимыми. Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ творяй чудеса! дивенъ Богъ во Святыхъ своихъ ()*.

Не смотря на разрушеніе, столица наша быстро стала наполняться жителями. Конечно, была тѣснота; квартиры вздорозжали вдвое, но тогда не думали о просторѣ и о комфортѣ. Торговая дѣятельность закипѣла, хотя раззореннымъ жителямъ приходилось не до моды: порядочные люди не стыдились ходить въ фризовыхъ шинеляхъ, а дамы не пренебрегали каленкоромъ, потому что онъ продавался по 5 руб. за аршинъ. Костюмы весьма соотвѣтствовали тогдашнимъ обстоятельствамъ: и мужскія и женскія требовали матеріи вдвое менте противу нынѣшнихъ, а именно: женскія платья шили съ клиньями; мужскіе фраки были съ узенькими фалдами, а панталоны въ сапоги; сюртуковъ же не носили. Съ самой

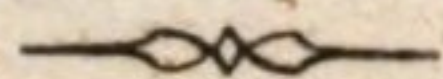
(*) Само собой разумѣется, что стѣкла въ кивотахъ, у св. образовъ на башняхъ Спасской и другихъ, невзорванныхъ, также совершенно уцѣлѣли съ висѣвшими фонарями.

ранней весны слѣдующаго года Москва начала отстраиваться и не далѣе какъ лѣтъ черезъ пять нельзя уже было узнать ее: она стала еще лучше, потому что украсилась бульварами, садовыми улицами и площадями. Одинъ только Арсеналь долго напоминалъ ея бѣдствіе и варварство просвѣщенныхъ народовъ! Арсеналь отдѣляли послѣ уже Кремлевскихъ садовъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ упомянуть, что, по служенію моему въ 8 Департаментъ Правительствующаго Сената, я имѣлъ случай видѣть дѣлопроизводство, о поднесеніи отъ Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената благодарственной рѣчи Государю Императору Александру Павловичу, какъ Спасителю Отечества и умиротворителю Европы. (*) Поэтому

(*) Этотъ документъ служитъ явной уликой противъ обвиненія насъ иностранцами въ неблагодарности Русскаго народа и высшаго сословія къ своимъ благодѣтелямъ — Монархамъ.

случаю были представлены двѣ рѣчи отъ
Гг. Сенаторовъ Кутузова и Рунича. Общее
Сената собраніе выслушавъ эти рѣчи, по-
становило: поднести рѣчь Сенатора Рунича,
а по исполненіи сего, дѣло сдать въ Архивъ
на память потомству.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Домъ моего дѣда посѣщали замѣчательные люди. Скажу покуда объ одномъ. Изъ числа молодыхъ людей не рѣдко бывалъ у него одинъ князь, ни гдѣ въ то время еще не служившій. Попивая у дѣда кофе и покуривая трубку съ особеннымъ, можетъ быть, удовольствіемъ, какъ у знатока этихъ вещей, по восточному его происхожденію, этотъ гость, въ сердечныхъ изліяніяхъ жалуясь на судьбу свою и на нѣкоторыхъ богатыхъ людей, часто говаривалъ, что онъ собирается вступить въ военную службу и намѣренъ служить, по пословицѣ: «либо панъ, либо пропалъ.» Этотъ молодой человекъ былъ—Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, обезсмертившій имя свое въ военныхъ лѣтописяхъ нашего отечества.

2. При вступленіи Французовъ въ Москву, мнѣ было отъ роду 7 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ.

3. Объ этой кометѣ, появившейся въ 1811 г. и видимой въ 1812 г., вотъ что говоритъ Араго:

«Свѣтъ отъ кометы во время наибольшаго напряженія былъ равенъ $\frac{1}{10}$ свѣта отъ полной луны. Комета имѣла весьма блестящій хвостъ, который не имѣлъ постоянной длины. По астрономическимъ измѣреніямъ, наибольшая величина хвоста простиралась до 41 милліона лье, или 24,600,000 географическихъ миль (то есть 172 милліона 200 тысячъ русскихъ верстъ). На небесномъ сводѣ хвостъ кометы занималъ 23° ; до земли онъ не достигалъ; ибо 15 Октября (1811 г.), въ моментъ наибольшаго приближенія къ намъ кометы, разстояніе ея отъ земли простиралось до 47 милліоновъ лье (28,200,000 географическихъ миль); комета имѣла со стороны, обращенной къ солнцу, свѣтлое кольцо, котораго ширина была не менѣе 10,000 лье (6,000 геогр. миль); 12,000 лье (7,200 географ. миль) отдѣляли его внутреннюю сторону отъ центра ядра. Ядро кометы имѣло въ діаметрѣ 1089 лье ($653\frac{2}{5}$ географ. миль).»

Эти свѣдѣнія извлечены изъ статьи Араго: «Des comètes en général etc.» помѣщенной въ *Annuaire pour l'an 1832.*

Къ этому не лишнимъ считаю прибавить, что комета скрылась съ нашего горизонта еще до пришествія въ Москву Французовъ. Всѣ послѣ нея бывшія кометы нисколько на нее не похожи (*). У послѣднихъ хвосты казались дымными и узкими, а у той хвостъ былъ блестящій, довольно широкій и какъ бы изъ одного вещества съ ядромъ кометы, расширяясь отъ нея пропорціонально къ концу лучами, которыхъ края были длиннѣе. По глазомѣру хвостъ кометы казался длиною сажени двѣ, а шириною въ концѣ около полуаршина. Такъ, по крайней мѣрѣ, помнится мнѣ и другимъ старожиламъ (**).

4. Дѣдъ мой указывалъ на ту, вѣроятно, афишку, гдѣ Графъ Растопчинъ между прочимъ напечаталъ:

«...Свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственные мѣста закрыты: дѣла прибирать надобно; а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся. Когда до чего

(*) Исключая видимой въ 1858 г.

(**) Изображеніе этой кометы находится въ V т. Живописн. обзорѣн. достопам. предметовъ, стр. 176.

«дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и
«деревенскихъ: я кличъ кликну дни за два, а те-
«перь не надо: я и молчу! Хорошо съ топоромъ,
«не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы
«тройчатки: Французъ не тяжеле снопа ржаного.»

Но послѣдующую афишку слушалъ ли дѣдъ,
не знаю, по крайней мѣрѣ не помню рѣшитель-
ныхъ сборовъ его на войну. Вотъ эта афишка:

«Братцы! сила наша многочисленна и готова
«положить животъ, защищая отечество. Не впус-
«тимъ злодѣя въ Москву; но должно пособить и
«намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ
«выдавать. Москва наша мать: она васъ поила,
«кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ
«Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ,
«Москвы, Земли Русской. Вооружитесь, кто
«чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только
«на три дни хлѣба; идите со крестомъ; возьмите
«хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ
«собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ. Я буду
«съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ
«вышнихъ, кто не отстанетъ! Вѣчная память, кто
«мертвый ляжетъ! Горе на страшномъ судѣ, кто
«отговариваться станетъ!»

5. Дѣдъ мой (по матери) былъ уроженецъ

города Діарбекира, лежащаго на правомъ берегу Тигра въ Азіатской Турціи. Въ первую войну, при Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II. Россіи съ Турціею, въ 1769 году, дѣдъ мой, раненный, взятъ былъ Русскими въ плѣнъ, и приведенъ во внутреннія губерніи; здѣсь онъ влюбился въ мою бабу, и эта любовь была причиною, что онъ вскорѣ крестился и остался навсегда въ Россіи (*). Во время Французовъ, съ нимъ оставалась не родная моя бабу, а третья жена его. Первая же его жена, а моя родная бабу, умерла въ началѣ 1778 года, родивши мою мать. Дѣдъ говаривалъ, что онъ родился въ годъ смерти Надиръ-шаха, слѣд. въ 1747 г., и въ 1812 г. ему было около 66 лѣтъ. Дѣдъ еще сказывалъ, что мать его была Грузинка и, во время малолѣтства его, гадала о судьбѣ его у какой-то Арабки, предсказавшей, что онъ умретъ не въ своей вѣрѣ, если не утонетъ юношей, и что онъ дѣйствительно, во время путешествія куда-то, чуть было не утонулъ въ Евфратѣ. Дѣдъ мой умеръ въ 1822 году, а

(*) Мусульманское имя дѣду моему было Ассанъ; при походѣ въ Россію, мать его была еще жива; были въ живыхъ и братья и сестры.

мать въ 1840 г. Упоминаю о времени кончины дѣда и матери для убѣжденія, что я имѣлъ возможность наслушаться отъ нихъ объ эпохѣ 1812 года и повѣрить свои воспоминанія, которыя, впрочемъ, записаны давно.

6. Не задолго передъ Французами почтеннѣйшую Московскую публику занимали два обстоятельства:

Во первыхъ, слухи (которымъ, впрочемъ, не многіе вѣрили), что для истребленія Наполеоновскихъ полчищъ строится шаръ, которымъ можно будетъ управлять по произволу, и такого размѣра, что въ лодкѣ, подъ нимъ, помѣстится значительное количество нашихъ воиновъ, съ достаточными боевыми запасами, и что они-де, сверху, весьма легко истребятъ всю вражескую силу. Объ этомъ шарѣ и Графъ Растопчинъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ. См. Полное собраніе Рус. автор. сочин. Растопчина, стр. 205.

Второй случай былъ забавный. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ сдѣлана была публикація, что нѣкто, чиновникъ, не старыхъ и не молодыхъ лѣтъ, не богатый и не бѣдный, не красавецъ и не уродъ и т. п., желаетъ вступить въ законное супружество съ особою точно такихъ же качествъ, и что видѣть жениха можно ежедневно, въ извѣстные

часы, въ Университетской книжной лавкѣ (*)
Помню, что дядя мой (по матери) Н. Я. С.,
служившій тогда въ Сенатѣ (и до сихъ поръ
здравствующій и служащій въ другомъ мѣстѣ),
ходилъ нарочно туда и видѣлъ публичнаго же-
ниха, который казался лѣтъ за сорокъ, съ умною
и серьезною физіономіею; онъ сидѣлъ спиной
ко входящимъ и читалъ книгу. Желая надъ нимъ
подтрунить, дядя спросилъ книгопродавца: «у
васъ есть женихъ»? (т. е. подъ этимъ названіемъ
была книжка съ какимъ-то продолженіемъ). На
этотъ вопросъ женихъ оборотился и посмотрѣлъ
на дядю.

7. Одинъ Французъ-роялистъ находилъ рази-
тельное сходство въ физіономіяхъ моего дѣда съ
несчастливымъ Французскимъ Королемъ Людовикомъ
XVI. Вотъ какъ это оригинально обнаружилось.
За долго еще до непріятеля, но вскорѣ послѣ
Французской революціи, дѣдъ мой обѣдалъ
у сосѣда своего, Генерала Александра Ива-
новича Расловлева, бывшаго Адъютантомъ при

(*) Эта лавка находилась на углу Газетнаго переулка
и Тверской, въ домѣ Университетскаго Благороднаго
Пансіона.

Государь Императоръ Петръ III. Обѣдъ былъ званый, съ музыкой, безъ которой, впрочемъ, Александръ Ивановичъ никогда и по буднямъ не обѣдывалъ, кромѣ развѣ постовъ, имѣя собственный оркестръ изъ 24 человѣкъ. Во все продолженіе обѣда, Французъ не спускалъ глазъ съ дѣда, до того, что онъ сталъ конфузиться. По окончаніи обѣда, весьма, разумѣется, длиннаго, Французъ спрашиваетъ хозяина про моего дѣда: кто онъ таковъ? Расловлевъ отвѣчалъ, что это сосѣдъ его, бывшій плѣнный турокъ, но давно крещенный и отецъ семейства. Французъ недовѣрчиво смотрѣлъ на Расловлева, улыбался какъ-то значительно, и наконецъ объявилъ, что онъ не вѣритъ слышанному, и что дѣдъ мой, по мнѣнію его, Француза, есть не иной кто, какъ Лудовикъ XVI! Само собой, Александръ Ивановичъ Расловлевъ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на гостя вопросительно: въ умѣ ли онъ? Но Французъ, не обращая на это вниманія, схватилъ дѣда моего крѣпко за руку, вывелъ въ другую комнату и сталъ увѣрять его, что онъ Лудовикъ XVI, спасенный, вѣроятно, какимъ нибудь чудомъ отъ эшафота, и что онъ напрасно сохраняетъ свое инкогнито отъ преданнаго ему человѣка.

Разумѣется, и дѣдъ остался въ томъ же убѣжденіи, что Французъ нездоровъ головою, а если бы зналъ медицину, то, можетъ быть, пощупалъ бы у него и пульсъ. Впрочемъ, судя по портретамъ Лудовика XVI, дѣдъ мой, дѣйствительно, былъ похожъ на него.

8. Послѣ обнаружилось, что этотъ Верейскій помѣщикъ самъ прождалъ дѣда, и не смотря на отъѣздъ своей жены, разумѣется, звавшей его съ собой, твердилъ все одно: «если бы было опасно, то за мной пріѣхалъ бы другъ мой, Яковъ Антоновичъ.» Но странно бы дѣду было ѣхать за нимъ, когда тотъ жилъ на пути Французовъ въ Москву.

9. Они намъ встрѣтились; поэтому надо полагать, что нѣкоторые отряды Французовъ вошли въ Москву и Петербургскою заставою.

10. Кромѣ главнаго дома, у П. А. Расловлева было четыре флигеля: два изъ нихъ, одноэтажные, стояли въ линію съ домомъ, а другіе два, двухъ-этажные, во дворѣ. Мѣсто подъ домомъ со дворомъ и подъ садомъ было огромное. Теперь все это раздѣлилось между тремя владѣльцами: Генераломъ Перфильевымъ, Гг. Васильцовскими и купцомъ Медынцевымъ; послѣднему

достался одинъ садъ; въ домъ, принадлежащемъ нынѣ Генералу Перфильеву, во время пребыванія въ Москвѣ Французовъ, стоялъ одинъ изъ Маршаловъ, кажется Мортъе, Герцогъ Тревизскій.

11. На этомъ мѣстѣ нынѣ домъ Сенатора Князя П. И. Трубецкаго. Тогда этимъ домомъ пожаръ въ нашей сторонѣ и окончился, такъ что у слѣдующаго дома, что противъ уже верхняго Прѣсенскаго пруда, принадлежавшаго брату Г. Толстаго, сгорѣла одна только, правая съ улицы, половина воротъ. Домъ этотъ въ послѣдствіи достался Ѳ. С. Чаплину, а нынѣ принадлежитъ Г. Иващенко.

12. То были остатки садовъ когда-то существовавшаго на этомъ мѣстѣ дворца Царей Грузинскихъ, предковъ Князя Егора Александровича Грузинскаго. Мать моя въ малолѣтствѣ застала еще и самый дворецъ, но уже необитаемымъ и ветхимъ до того, что въ его разбитыя (впрочемъ бемскія или зеркальныя) стѣкла, летали голуби и другія вольныя птицы; дворецъ этотъ, въ послѣдствіи, проданъ на сломку извѣстному антрепренёру Венкѣ. Нынѣ на этомъ мѣстѣ нѣтъ уже ни сиреневыхъ кустовъ, ни грядокъ и клумбъ, обросшихъ дерномъ: ихъ истребила агрономія, не

привившаяся какъ-то здѣсь и оставившая послѣ себя, вмѣсто сирени—крапиву, полынь и другія сорныя травы; сохранились только пантдусы. Это мѣсто одно изъ красивѣйшихъ въ предмѣстіяхъ Москвы.

13. Справедливость заставляетъ сказать, что мародёры, въ этотъ день, ни съ кого платья не снимали; по крайней мѣрѣ я этого не видалъ. Такъ, у тетки моей, Луцхиной, была очень хорошая лисья шуба, крытая синимъ казимиромъ, однако никто ею не соблазнился. Опасаясь за свою шубу, тетка сама нарочно разорвала нѣсколько казимиръ, на правой полѣ, но это, конечно, не помогло бы, если бы мародёры думали запасаться зимнею одеждою.

14. Здѣсь позволяю себѣ сдѣлать нѣкоторыя воспоминанія о М. И. Невзоровѣ. Онъ былъ друженъ съ отцомъ моимъ. Знакомство ихъ началось съ Московскаго Университета. Довольно обстоятельная біографія Максима Ивановича помѣщена въ «Русской Бесѣдѣ» 1856 г. въ кн. III. Эта біографія такъ начинается: «Максимъ Ивановичъ Невзоровъ, человѣкъ довольно высокаго роста, съ чертами лица простыми, рѣзкими и даже грубыми, говоритъ такимъ же рѣзкимъ

тономъ и все на-прямки, безъ тонкой вѣжливости, постоянно по Русски и больше на книжный ладъ, притомъ все о воспитаніи и нравственности, обѣдаетъ большею частію не дома, пьетъ только чай, квасъ и воду; ходитъ всегда пѣшкомъ и вѣчно въ холодной и поношенной фризовой шинели.»

Этотъ наружный очеркъ Максима Ивановича довольно вѣренъ; но прибавлю, что не смотря на грубыя черты, лицо его выражало умъ и доброту. Собою онъ былъ очень тученъ, но легокъ. Ходилъ онъ, дѣйствительно, всегда пѣшкомъ и въ холодной поношенной шинели, но не въ фризовой (*), а суконной, темнозеленаго цвѣта, съ небольшимъ капишономъ. Прочій его костюмъ всегда былъ опрятенъ, какъ и самъ онъ всегда былъ выбритъ; сѣдые и частые свои волосы стригъ довольно коротко; перчатокъ не носилъ, ни зимой, ни лѣтомъ; но онъ всегда бралъ съ собою зонтикъ.

По смерти отца моего и по возвращеніи нашемъ изъ Ярославля въ Москву, въ особенности послѣ непріятеля, и по увольненіи отъ должности

(*) Развѣ вскорѣ послѣ Французовъ, ходилъ онъ, можетъ быть, и въ фризовой шинели, такъ какъ и многіе другіе.

Директора Типографіи Московскаго Университета, Максимъ Ивановичъ часто къ намъ хаживалъ, всегда рано по утрамъ и оставался обѣдать. Послѣ обѣда немного отдыхалъ, почитавъ передъ тѣмъ какую нибудь книгу. Не смотря, что библіотечка у меня была изрядная, составившаяся изъ отцовскихъ книгъ, въ числѣ которыхъ есть много даренныхъ Максимомъ же Ивановичемъ и изъ пріобрѣтенныхъ мною,—Максимъ Ивановичъ большею частію бралъ для чтенія одну книгу «Кургановъ Письмовникъ» и говаривалъ, что для многихъ довольно знать и того, что въ этой книгѣ есть. Какъ олицетворенная правда, Максимъ Ивановичъ признавался, что онъ домогался степени доктора медицины для того только, чтобы имѣть право на путешествіе за-границу, и достигнувъ цѣли, никого и никогда не лечилъ — боясь, по его словамъ, согрѣшить и залечить. Максимъ Ивановичъ любилъ иногда и пошутить. Помню, разъ какъ-то, лѣтомъ, поутру, мы встрѣтились съ нимъ на троицкомъ мосту и поздоровавшись, онъ спросилъ меня: куда я иду. На отвѣтъ, что я иду въ такое-то присутственное мѣсто, онъ сказалъ: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ.» Разумѣется, бе-

сѣды этого просвѣщеннаго, добраго и правдиваго мужа всегда были для меня любопытны и назидательны. Многое помню, иное, можетъ быть, забылъ, но одинъ разсказъ его, какъ слишкомъ интересный по влеченію человѣка ко всему чудесному и неизъяснимому, врѣзался въ моей памяти. Вотъ содержаніе этого разсказа безъ всякихъ прибавленій.

Вначалѣ нынѣшняго столѣтія Сенаторъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ былъ посланъ ревизовать Казанскую губернію. Максимъ Ивановичъ Невзоровъ сопутствовалъ Ивану Владиміровичу въ качествѣ его друга. Обѣзжая города Казанской губерніи, они пріѣхали въ Свіяжскъ и посѣтили тамошній уѣздный судъ. На вопросъ Ивана Владиміровича о числѣ нерѣшенныхъ уголовныхъ дѣлъ, Секретарь отвѣчалъ, что изъ уголовныхъ дѣлъ остается въ нерѣшеніи только одно. «Какое же это дѣло?» — спросилъ Иванъ Владиміровичъ. «Дѣло пустое отвѣчалъ Секретарь: одинъ мальчикъ выдумалъ, будто ему являлся Ангелъ и велѣлъ передать жителямъ города Свіяжска, чтобы они покаялись, грозя, въ противномъ случаѣ, Божіимъ прещеніемъ.» Объяснивъ такимъ образомъ дѣло, Секретарь прибавилъ, что онъ-де

написалъ уже и рѣшеніе — наказать мальчика плетми, и испрашивалъ на это согласія Ивана Владиміровича. Но умный и добрый Сенаторъ приказалъ подать себѣ подлинное дѣло. Дѣло заключалось въ томъ, что означенный мальчикъ, лѣтъ 17—18, пастухъ, является въ Городническое Правленіе и говоритъ, что когда онъ нынче пасъ городское стадо, то ему явился Ангелъ Божій и приказалъ возвѣстить жителямъ города Свіяжска, что они согрѣшили, чтобы покаяться и что въ противномъ случаѣ ихъ постигнетъ кара Божія; а чтобы тебѣ повѣрили, сказалъ Ангелъ, что ты слышалъ отъ меня слова сіи, то вотъ тебѣ знаменіе—и съ этимъ словомъ Ангелъ взялъ у мальчика правую руку и приложилъ назадъ къ бедру его противною стороною ладони, прибавя, что эту руку не оттащить у него никто въ продолженіе цѣлыхъ трехъ дней. Въ такомъ положеніи, съ загнутою рукою, и явился мальчикъ въ Городническое Правленіе. Это происшествіе сдѣлалось сей-часъ гласно во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, и оттуда пришло множество любопытствующихъ. Начали пробовать — оттаскивать руку у мальчика: рука какъ бы приросла; принимались за то же и двое и трое вдругъ—и рука была все въ

одинаковомъ положеніи. Послѣ другихъ, является Капитанъ-Исправникъ, обладавшій необыкновенною физическою силою. При появленіи его въ толпѣ возродилась надежда, что вотъ-де чудеса распадутся. Но и у Исправника рука мальчика нисколько не подавалась. Съ досады и стыда, новый Геркулесъ кладетъ мальчика на полъ, упирается колѣномъ ему въ спину и, не жалѣя богатырской своей силы, всячески старается отнять руку у мальчика; но рука не отставала ни на волосъ. Наконецъ убѣдились, что руку у мальчика не оттащить никакая человѣческая сила. И не смотря на все это, и на то, что чрезъ три дня рука дѣйствительно сама собою отстала, мальчика посадили подъ стражу и предали уголовному суду, какъ выдумщика чудесъ. При допросахъ, мальчикъ утверждалъ все одно и то же. За тѣмъ составлена была изъ дѣла выписка, подведены *приличные* законы, и готовилось, какъ выше сказано, ужасное рѣшеніе. На этомъ засталъ дѣло Сенаторъ, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, по особому, вѣроятно, промыслу Божію, чтобы защитить невиннаго. Иванъ Владиміровичъ приказалъ привести изъ тюрьмы мальчика. Видъ юноши былъ благообразный и открытый. Съ сердечною простотою рассказалъ

онъ и Ивану Владиміровичу про чудо. Послѣ того, Иванъ Владиміровичъ обратился къ Секретарю Уѣзднаго Суда съ вопросомъ: «что онъ обо всемъ этомъ думаетъ? Секретарь отвѣчалъ, что онъ тутъ и самъ ничего не понимаетъ: «а если ты самъ ничего изъ этого не понимаешь, сказалъ Секретарю Иванъ Владиміровичъ, то какъ же хочешь наказать этого мальчика, какъ преступника?» И не выходя изъ присутствія, Иванъ Владиміровичъ приказалъ тотчасъ мальчика освободить, а дѣло оставить безъ послѣдствій. Это дѣло должно бы храниться въ архивѣ Уѣзднаго Суда; развѣ не истребилось ли оно во время страшнаго пожара, бывшаго въ Свіяжскѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описаннаго происшествія. Но во всякомъ случаѣ, память объ этомъ событіи, вѣроятно, сохранилась еще въ народѣ.

Максимъ Ивановичъ Невзоровъ не былъ женатъ. Онъ скончался 65 лѣтъ, въ Августѣ 1827 года, отказавшись въ предсмертной своей болѣзни отъ всякихъ медицинскихъ пособій, предлагаемыхъ ему друзьями и М. Я. Мудровымъ обильною рукой. Онъ, кажется, торопился въ небесное свое отечество. Я былъ у смертна-

го одра Максима Ивановита и разъ засталъ у него Матвѣя Яковлевича, который уговаривалъ его выпить хотя одну чашку кофе, но больной не согласился. Видѣлъ я и въ гробѣ Максима Ивановича: лицо его выражало необыкновенное спокойствіе и увѣренность, что онъ достигъ желаемой имъ давно пристани. Прахъ Максима Ивановича покоится въ Симоновомъ монастырѣ. *Нынѣ* на памятникъ его вырѣзана одна надпись: «Ревнитель истины, другъ бѣдныхъ и несчастныхъ, Максимъ Ивановичъ Невзоровъ». Я сказалъ *нынѣ*, ибо прежде на немъ былъ другой памятникъ и другія надписи. Такъ я очень хорошо помню, что и въ литературной газетѣ, кажется, 1844 года, сказано было, что на памятникъ его, между прочимъ, вырѣзана молитва: «Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному!» и по этому случаю, какой-то г. писатель изволилъ глумиться, говоря такъ, что мы-де были въ Симоновомъ монастырѣ и видѣли тамъ памятникъ М. И. Невзорову, съ означенною надписью, что по этому-де надо полагать, что и въ старину сочинители были не безъ грѣшка! Вѣроятно послѣ этого наглаго кощунства и глупой, неприличной насмѣшки, чтители памяти Максима Ивановича

перемѣнили монументъ и надписи. Но напрасно! Какой добрый человѣкъ и незнавшій покойнаго не осудилъ этого писателя? *De mortuis aut bene, aut nihil.* (Объ мертвыхъ говори хорошо или ничего). Но про этого друга человечества, про эту олицетворенную добродѣтель и худаго сказать было нечего. Вотъ каковъ былъ покойный: Когда по какому-то случаю, или, лучше сказать, по интригѣ, Максимъ Ивановичъ лишился своего мѣста, доставлявшаго ему законнаго годоваго дохода 6000 руб., то онъ жалѣлъ только о томъ, что эти деньги отняты у нищихъ, которымъ онъ передавалъ ихъ почти сполна, оставляя себѣ немного, на самый незатѣйливый насущный хлѣбъ (онъ платилъ за квартиру со столомъ 25 руб. асс. въ мѣсяцъ), да на пару платья, которую дѣлалъ одинъ разъ въ годъ, къ Свѣтлому празднику. Онъ умѣлъ благотворить и изъ пенсіона своего, составлявшаго 1500 р. асс. въ годъ. Правду онъ говорилъ не только каждому въ глаза, но даже и писалъ первымъ сановникамъ. Я никогда не забуду письма его митрополиту Серафиму, съ котораго онъ тогда же послалъ копію Князю А. Н. Голицыну. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, Максимъ Ивановичъ жаловался на запрещеніе нѣкоторыхъ

переводныхъ книгъ религіознаго содержанія, и говорилъ, что если бы не попалась ему случайно одна изъ этихъ книгъ, то онъ лишилъ бы себя жизни, отъ критическихъ обстоятельствъ, во время пребыванія своего за границей!

Однимъ словомъ: о Максимѣ Ивановичѣ Невзоровѣ можно не обинуясь сказать, что онъ всегда и вездѣ слѣдовалъ избранному имъ для журнала своего «Другъ Юношества» девизу: *Sine Jove pes pedem move*, (безъ Бога не до порога) и вполнѣ вѣрилъ и проповѣдывалъ, что блаженства нѣтъ безъ добродѣтели, а добродѣтели нѣтъ безъ страха Божія.

15. Въ то время около церкви ограды еще не существовало: она выстроена послѣ непріятеля, лѣтъ черезъ пять.

16. Семейство наше составляли: дѣдъ Яковъ Антоновичъ С,^{*} его 3-я жена Прасковья Михайловна, мать моя Анисья Яковлевна, насъ трое, малолѣтнихъ ея дѣтей, другая дочь дѣда, отъ послѣдней жены, Александра Яковлевна, мужъ ея А. Н. Лушихинъ, прислуга: кухарка Анисья Михайловна, нянька моя старушка Аграфена Петровна, женщина наша Афимья Васильевна, Лушихинскіе люди: старуха Матрена, человѣкъ

Платонъ и Ратникъ Лаврентій, прикащикъ дѣдовъ, Семень; сверхъ того, въ это уже время присоединились къ нашему семейству купчиха К. А. Бѣлобородова, съ своей горничной и одна благородная старушка, Авдотья Евстафьевна, съ воспитанникомъ своимъ, Николашей, мальчикомъ лѣтъ 11. Во время же дня почти всегда находился у насъ же О. А. Пелецкій, жившій въ домѣ Расловлева.

17. На этомъ мѣстѣ нынѣ существуютъ четыре дома: П. А. Курбатова, И. Ѳ. Клокова, И. Т. Ильинскаго и бывший П. А. Мурзинскаго.

18. Впрочемъ, нельзя не упомянуть о слѣдующемъ происшествіи. Разъ какъ-то въ церковь проникли трое подозрительныхъ людей, въ партикулярныхъ платьяхъ, и намѣревались сжечь ее; для сего развели уже костеръ близъ образа св. Георгія, у праваго клироса, въ теплое придѣлѣ; но Русскіе всѣми силами старались остановить ихъ, пока прибывшій, по ихъ извѣщенію, Французскій полковникъ (стоявшій въ Смотрительскомъ домѣ) съ командой, схватилъ одного изъ зажигателей, который былъ приведенъ къ дому моего дѣда и привязанъ съ связанными назадъ руками къ столбу у колодца; въ этомъ положеніи зажигатель

пробылъ цѣлую ночь, подъ карауломъ; а на другой день утромъ, повели его разстрѣливать. Полковникъ съ зажигателемъ объяснялся на иностранномъ языкѣ, по этому надо полагать, что послѣдній принадлежалъ къ числу мародѣровъ.

19. Извѣстно, что тамъ Французская гвардія, на предложеніе положить оружіе, отвѣчала, «что гвардія умираетъ, но не сдается», и вся почти была истреблена.

20. Осипъ Андреевичъ Пелецкій, впослѣдствіи лекарь и Коллежскій Ассесоръ, скончался не такъ давно на заводахъ гг. Губиныхъ. Мы всегда съ нимъ вспоминали это происшествіе и воспоминанія наши были согласны, съ настоящимъ рассказомъ. Недавно мнѣ говорили, что изъ тѣхъ героевъ-поселянъ есть еще нѣкоторые въ живыхъ въ селѣ Петровскомъ-Разумовскомъ; да, вѣроятно, есть и въ прочихъ окрестныхъ селеніяхъ: Всесвятскомъ, Покровскомъ, Никольскомъ и другихъ.

21. Тѣ ямы, въ которыя зарывали Французовъ, образовались въ теченіи долгаго времени отъ копанія глины, и вотъ, наконецъ, послужили могилами этимъ незваннымъ гостямъ.

22. Домъ Кванчехадзевыхъ, впослѣдствіи,

переходя изъ рукъ въ руки, наконецъ, былъ сломанъ, и на мѣстѣ его выстроень новый, но безъ отступа уже на улицу; теперь онъ, кажется, принадлежитъ г. Медвѣдкову; но сзади его нѣтъ уже той горы, откуда былъ направленъ въ насъ выстрѣлъ: эта гора, доставшаяся купцу Медынцеву, состоя изъ песку, давнымъ-давно, вся, до самой подошвы, развезена и разсыпана по Московскимъ улицамъ, при перемощеніи мостовыхъ. Я нарочно упоминаю объ этомъ, чтобы разсказъ мой не показался выдуманнымъ.

23. Этотъ парень въ красной рубашкѣ, видно, не ожидалъ, что мальчикъ, котораго онъ едва не застрѣлилъ, впоследствии будетъ писать въ пользу его собратій. Я говорю о статьѣ моей, помѣщенной въ 8 нумѣръ «Журнала Землевладѣльцевъ». Вотъ эта статья:

«МЫСЛИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ.

«Вопросъ заключается въ томъ: какими именно средствами можно улучшить и упрочить бытъ помѣщичьихъ крестьянъ?

«По мнѣнію моему, однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ къ тому средствъ можетъ служить учрежденіе общиннаго владѣнія землями такъ,

«чтобы поля помѣщичьи и крестьянскія обработки-
«вались сообща, а урожай дѣлился пополамъ:
«одна половина помѣщику, а другая крестьянамъ,
«они же дѣлятъ по тягламъ. Изъ общаго колп-
«чества хлѣба вычитать долю на государственныя
«подати, земскія повинности и другія общест-
«венныя нужды, не воспрещая, впрочемъ, каж-
«дому поселянину ставить вмѣсто себя исправ-
«наго работника и даже имѣтьотдѣльное полевод-
«ство, съ согласія помѣщика и общины. Коли-
«честву пашенной земли должна быть норма, ко-
«торую переходить только по обоюдному согласію.
«Для вывоза помѣщичьяго хлѣба и другихъ продук-
«товъ на рынки, должны быть также границы. За
«всѣ работы, сверхъ полевыхъ, не относящіяся
«къ экономическимъ и хозяйственнымъ, крестьяне
«должны получать вознагражденіе по таксѣ. Такое
«же положеніе ввести или поставить нормой и
«для оброчныхъ нынѣ имѣній; но съ общаго
«согласія, оброчныя имѣнія могутъ оставаться
«и на прежнемъ положеніи (*), хотя для оброка
«должна быть другая норма, смотря по мѣстности

(*) То есть, въ разсужденіи платежа оброка; но общин-
ное владѣніе землями у крестьянъ непремѣнно должно
быть введено и въ оброчныхъ имѣніяхъ. Авт.

«и промысловымъ выгодамъ (*). Оброкъ платит-
 «ся деньгами или произведеніями, или тѣмъ и
 «другимъ, по волѣ помѣщика, объявленной за-
 «благовременно, и не долженъ имѣть постоянной
 «нормы, а измѣняться по ревизіямъ, сообразно
 «населенію и цѣнности хлѣба; народную
 «же перепись дѣлать чрезъ каждыя семь или восемь
 «лѣтъ (**). Крестьяне, пріобрѣтшіе уже себѣ
 «усадьбы покупкой, не могутъ отказываться отъ
 «принятія слѣдующей имъ въ надѣль, наравнѣ съ
 «прочими, земли, и слѣдственно отъ обработки
 «такого же количества на помѣщика; въ против-
 «номъ случаѣ, они платятъ двойной оброкъ про-
 «тивъ установленнаго въ той мѣстности, хотя бы
 «вовсе не пользовались землею.

«Отъ всего вышеизложеннаго, полагаю, прои-

(*) Есть оброчныя имѣнія, которыя не могутъ подходить
 подъ эту норму, заключааясь въ однѣхъ усадьбахъ при
 пристаняхъ, сѣнокосахъ, рыбныхъ ловляхъ, каменолом-
 няхъ и т. д., то о подобныхъ имѣніяхъ, какъ и о гор-
 нозаводскихъ и фабричныхъ, слѣдуетъ постановить осо-
 быя правила. *Авт.*

(**) Впрочемъ, общинное владѣніе должно быть обяза-
 тельно только для крестьянъ: ибо здѣсь вся забота
 объ нихъ; помѣщики же, какъ собственники земли, мо-
 гутъ требовать обработки своихъ полей особо, въ уста-
 новленной нормѣ и на урочномъ положеніи. *Авт.*

«зойдутъ слѣдующія выгоды и удобства: 1)
«Государственныя повинности и оброки помѣщи-
«камъ будутъ исправно и своевременно вносимы.
«2) Непріятнаго столкновенія между помѣщи-
«ками и крестьянами, на счетъ обработки земли,
«не будетъ, 3) Самые бѣдные, лѣнивые и нетрез-
«вые крестьяне сдѣлаются достаточными и ис-
«правными. 4) Крестьяне избавятся скучнаго
«передѣла или ломки полей, для новоприбываю-
«щихъ тяголъ. 5) Явится полная возможность и
«въ крестьянскихъ хозяйствахъ ввести улуч-
«шенную систему полеводства. 6) Вообще,
«хлѣбопашество распространится и процвѣтетъ
«до высочайшей степени совершенства (*).

«При сихъ только условіяхъ, думаю, могутъ
«осуществиться виды и намѣренія попечительнаго
«нашего правительства и всей благонамѣренно мы-
«слящей Россіи; тогда только утвердятся между
«крестьянами правила вѣры и нравственности;
«обезпечится народное продовольствіе; составятся

(*) Если Англія, Франція и вся Германія прилагаютъ са-
мое тщательное стараніе объ улучшеніи и распростра-
неніи хлѣбопашества, то какъ же въ Россіи объ этомъ
не думать и не стараться? Государство наше не такъ
еще промышленно, какъ тѣ. *Авт.*

«мірскіе капиталы; распространятся между ними
«грамотность и полезныя ремесла; призрятся си-
«роты, престарѣлые, увѣчные и больные, и т. п.
«Однимъ словомъ: достигнемъ того блаженства,
«какое только возможно и необходимо на землѣ
«для большинства и меньшей нашей братіи.

«Отъ всякаго другаго способа обработки полей,
«едва-ли можно ожидать у насъ счастливыхъ ре-
«зультатовъ, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ вре-
«мени, и въ особенности у крестьянъ.

«Скажутъ, можетъ быть, что хлѣбъ у насъ
«и такъ дешевъ. Не знаю: по мнѣ не дешевъ.
«Я помню, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, цѣны
«на него, въ Москвѣ, были 15 — 20 коп.
«за пудъ, нынѣ же болѣе 50 коп., а оттого
«и всѣ жизненные припасы вздорожали втрое;
«что же за радость, если пудъ хлѣба будетъ
«стоять отъ одного до 2-хъ руб. серебромъ въ
«обыкновенное время, а при неурожаѣ 3, 4 и 5
«руб.?! Надо знать: много ли его будетъ и въ
«хорошіе-то годы и во что онъ обойдется самимъ
«землевладѣльцамъ? Опять, поблагодарить ли насъ
«за это городское населеніе, котораго (не
«считая войска и 500 монастырей) съ поселянами,
«нуждающимися въ постороннемъ хлѣбѣ, въ Рос-

«сіи до 10 милліоновъ душъ, если не болѣе.
«Гдѣ же они возьмутъ денегъ для покупки такого
«дорогаго хлѣба? А извѣстно, что когда въ Москвѣ
«цѣны на хлѣбъ возвышаются до одного рубля
«серебромъ за пудъ, то во всей почти Россіи
«голодъ, незамѣтный только богачамъ, да живу-
«щимъ на чужихъ харчахъ. Извѣстно также, что
«городскіе обитатели питаются преимущественно
«помѣщичьимъ хлѣбомъ; доказательствомъ сему
«служатъ хлѣбные рынки: много ли тамъ найдет-
«ся хлѣба другихъ землевладѣльцевъ? По крайней
«мѣрѣ, я и многіе мои знакомые, въ продолженіи
«послѣднихъ 35 лѣтъ, не находили въ Москвѣ,
«на извѣстномъ рынкѣ—Болотѣ, другаго хлѣба,
«какъ помѣщичьяго. Короче сказать: безъ хлѣба
«плохо; хлѣбъ дешевъ и все дешево—извѣстная,
«старинная истина. Все зависитъ отъ хозяйства:
«много хлѣба—превратите лишній хлѣбъ въ скотъ
«и птицу, слѣжайте такъ, чтобы хлѣбъ пришелъ
«на рынки самъ, и тогда хлѣбъ дешевый превратит-
«ся въ дорогой. Наконецъ, дешевизна хлѣба не
«заставитъ увеличивать бюджета на содержаніе
«арміи и чиновниковъ, также воспитательныхъ,
«учебныхъ и богоугодныхъ заведеній, тогда какъ
«отъ иного способа обработки полей казнѣ никакой

«прибыли не будетъ, а въ случаѣ дороговизны
«хлѣба она потерпитъ сверхъ того страшные
«убытки въ одной уже винной операціи. Обо
«всемъ этомъ стоить подумать. Не надо забывать
«и бѣдныхъ пенсіонеровъ: худо, если пенсіи
«ихъ, по дороговизнѣ хлѣба и слѣдовательно
«всѣхъ жизненныхъ припасовъ, сами собой убавят-
«ся на половину, а, пожалуй, и болѣе.

«Все здѣсь изложенное высказано мною отъ
«чистаго сердца, съ искреннимъ желаніемъ добра
«всѣмъ и каждому, въ особенности нашимъ крестъ-
«янамъ. Кто не согласится, что если они всегда
«раздѣляли съ помѣщиками труды побѣдъ, то не
«должны ли, повсей справедливости, имѣть хотя
«тѣ же права и преимущества, какими пользуют-
«ся побѣжденные нами народы? Вѣроятно, это и
«будетъ сдѣлано, но постепенно, дабы не нару-
«шить существующаго нынѣ въ помѣщичьихъ
«имѣніяхъ хозяйственнаго устройства, отъ кото-
«раго, можно сказать, зависитъ благосостояніе
«всего государства.

«ПЕТРЪ КИЧЕЕВЪ,

«Шуйскій и Переславскій помѣщикъ.

«Іюля 1858.

«Москва.

24. К. А. Бѣлобородова скончалась въ 1840 году бездѣтною и безродною. И жизнь и кончина ея были замѣчательны. Она сказывала, что была дочь Полковника, въ малолѣтствѣ лишилась отца и матери, воспитывалась въ какомъ-то монастырѣ и 12 лѣтъ была выдана за какого-то Майора. Овдовѣвъ въ молодости и будучи хороша собою, она переходила подъ покровительство многихъ знатныхъ особъ и извѣстныхъ картежныхъ игроковъ, наконецъ вышла за мужъ за Бѣлобородова, купеческаго сына, умершаго передъ Французами отъ укушенія бѣшеною собакою. Бѣлобородова увѣряла, что когда она ночевала въ первую при Французахъ ночь на городской стѣнѣ, то видѣла сонъ, что ей предсталъ какой-то старецъ и говорилъ, чтобы она не печалилась потерей своего состоянія, нажитаго кой-какъ и что Богъ ея наградить. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ Французовъ, у насъ же въ домѣ, она познакомилась съ одною госпожою, которая взяла ея къ себѣ въ компаніонки и оставила ей по смерти своей значительное состояніе. Сохранивъ все это состояніе, Бѣлобородова распредѣлила его послѣ себя частію бѣднымъ, а главный капиталъ пожертвовала на

отстройку одного храма, въ Москвѣ, гдѣ положенъ прахъ ея благодѣтельницы. Услышавъ о тяжелой болѣзни Бѣлобородовой, я былъ у нея наканунѣ ея смерти, прощался съ ней; она была въ полной памяти, сидѣла на постели, казалась еще бодрою и хладнокровно торговала у купца парчу—на покровъ себѣ. Прахъ ея лежитъ въ Даниловѣ монастырѣ.

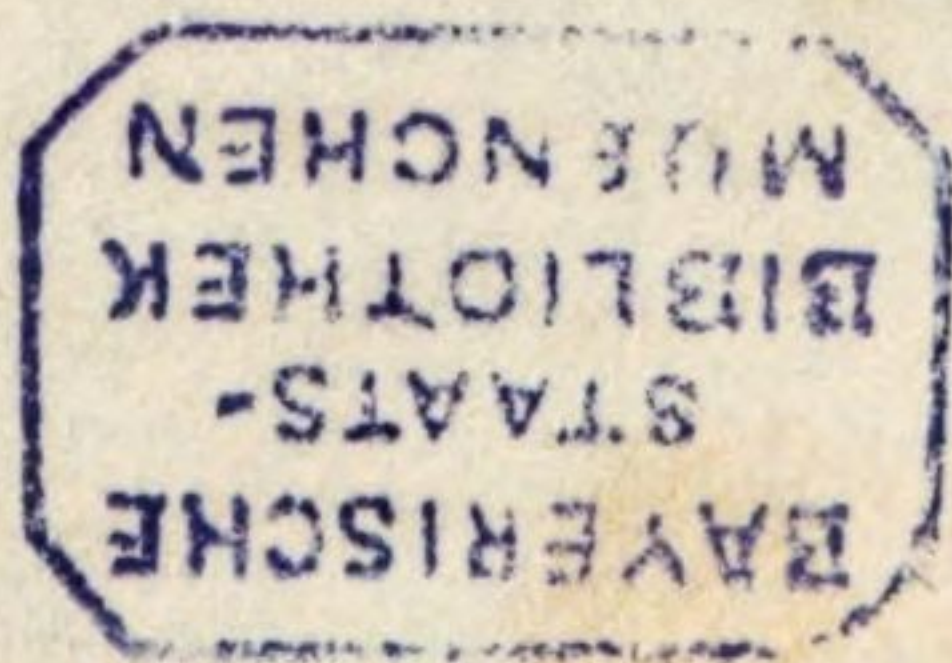
25. Говорили тогда вскорѣ, что Французы на прощанье привѣтствовали Москву нѣсколькими бомбами.

26. Одинъ почтенный 87-лѣтній старецъ, по отлично сохранившій память и другія душевныя способности, увѣрялъ меня, что взрывъ Кремля отдался за 70 верстъ отъ Москвы, гдѣ онъ въ то время находился. А другой старикъ,—крестьянинъ моей деревни, отстоящей отъ Москвы по Ярославскому шоссе слишкомъ на сто верстъ, показывалъ мнѣ ту часть горизонта, гдѣ видѣлось зарево Московскаго пожара въ 1812 году. Другіе говорятъ, что оно видимо было даже въ Рязани и Владимірѣ.

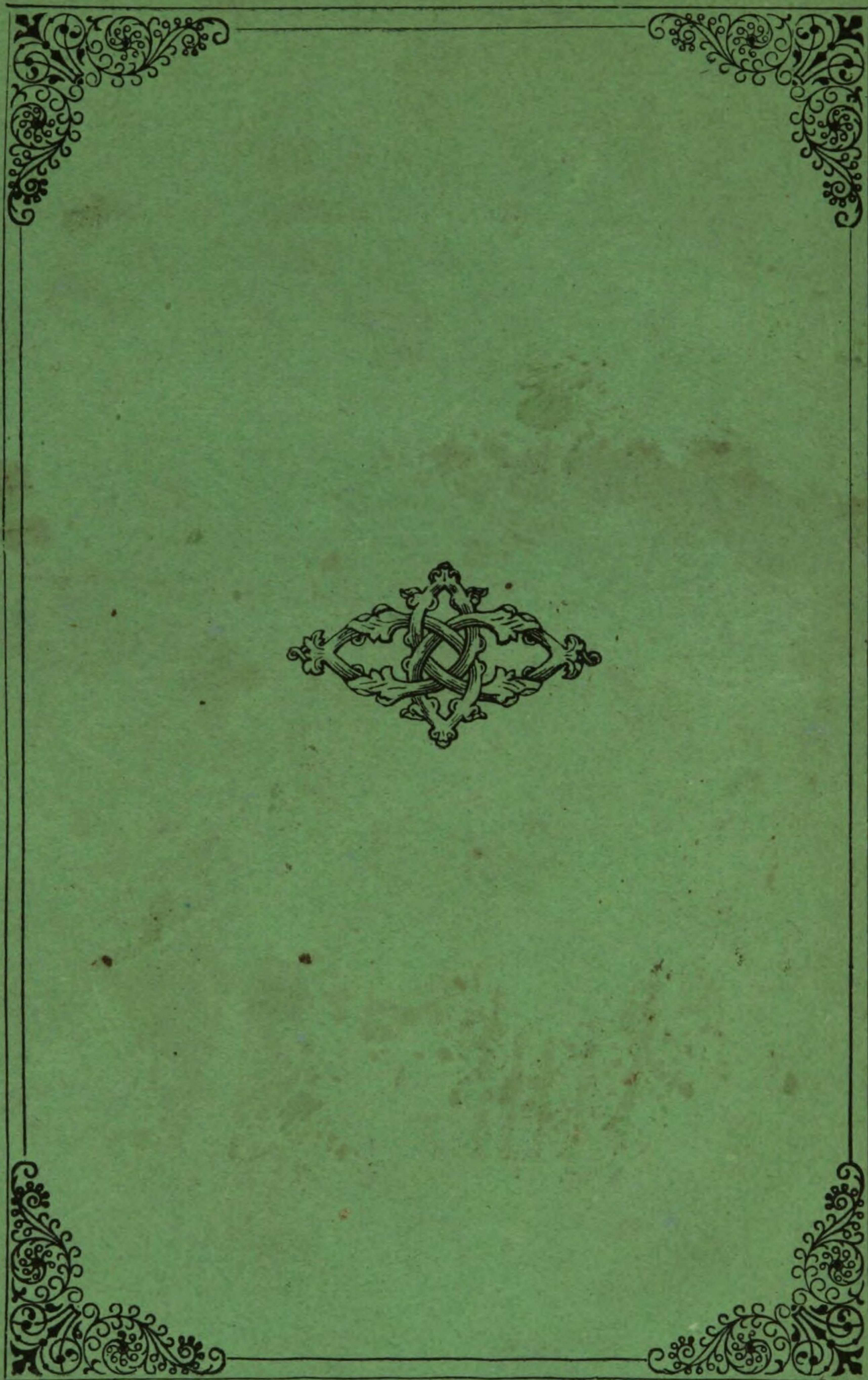
27. Наполеонъ I, кромѣ того, приказалъ было Французамъ, по мѣрѣ выхода, жечь уцѣлѣвшіе отъ пожара дома и истреблять все, не

исключая жителей. Увѣряютъ, что на это былъ печатный приказъ; но, къ чести Французской націи, его не послушали. Такъ и стоявшій въ зданіяхъ Почтамта начальникъ пикетнаго отряда, рѣшительно отказался отъ исполненія этого повелѣнія; другіе же, менѣ смѣлые, все-таки боялись оставить несожженнымъ Почтамтъ, но бывшіе тогда въ Москвѣ чиновники упросили оставить и это намѣреніе, пожертвовавъ колебавшимся послѣднія свои деньги; однако, Французы, выходя, приказали, для вида, собрать предъ Почтамтомъ большой костеръ дровъ и зажечь, что и было исполнено въ глазахъ ихъ. За усердіе и жертвы, къ спасенію Почтамтскихъ зданій, чиновники Всемилоостивѣйше награждены, и подвигъ этотъ записанъ у нихъ въ формулярахъ. Теперь изъ тѣхъ чиновниковъ остался на службѣ въ Почтамтѣ только одинъ, Коллежскій Ассесоръ Яковъ Андреевичъ Некрасовъ, современникъ безсмертнаго Суворова, переходившій съ нимъ Сень-Готаръ и Чертовъ мостъ; онъ же г. Некрасовъ распоряжался наконецъ къ потушенію того костра, начавшаго-было угрожать Почтамту, и по совѣту того же пикетнаго Французскаго Начальника, сей часъ по отъѣздѣ его, сдѣлалъ рас-

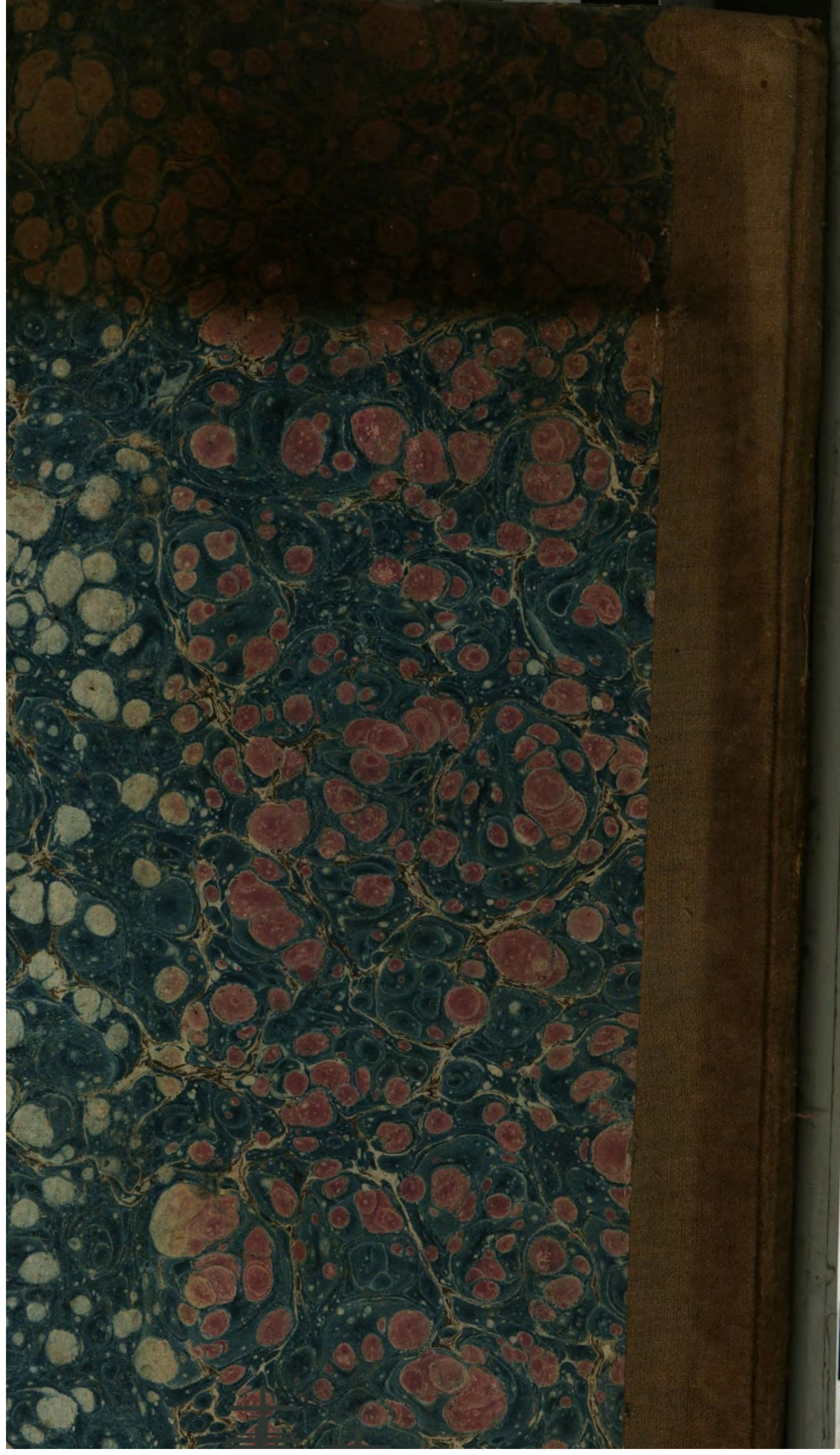
поряженіе, чтобы заперли почтамскія ворота. Этотъ совѣтъ пригодился, такъ какъ нѣкоторые союзники Французовъ, по отъѣздѣ жившихъ въ Почтамтѣ, врывались-было туда для исполненія, повидимому, 2 пункта приказа Наполеона. Почтенный старецъ Я. А. Некрасовъ, кромѣ многихъ наградъ, въ продолженіе своей 69-лѣтней службы (*), не такъ давно, 27 Сентября 1853 года, облагодѣтельствованъ въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ. Сверхъ всѣхъ окладовъ Некрасову пожалована, и на службѣ, пожизненная пенсія, по 200 руб. сер. въ годъ.

(*) Онъ вступилъ на службу 1790 г. Января 1-го.

Kičeev, Petr Grigořevič

Vospominanija o prebyvanii neprijatelja v Moskvě v 1812 godu

Moskva 1858

Eur. 914 I

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10618633-5